

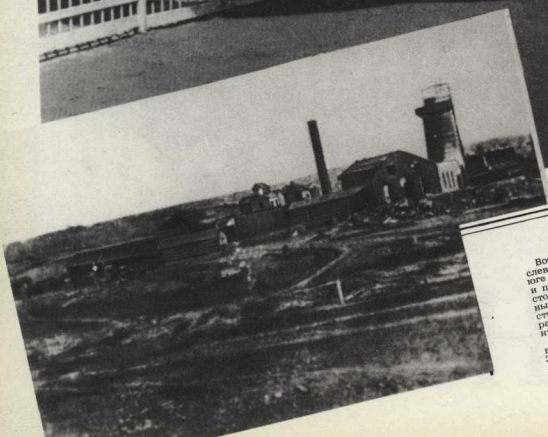
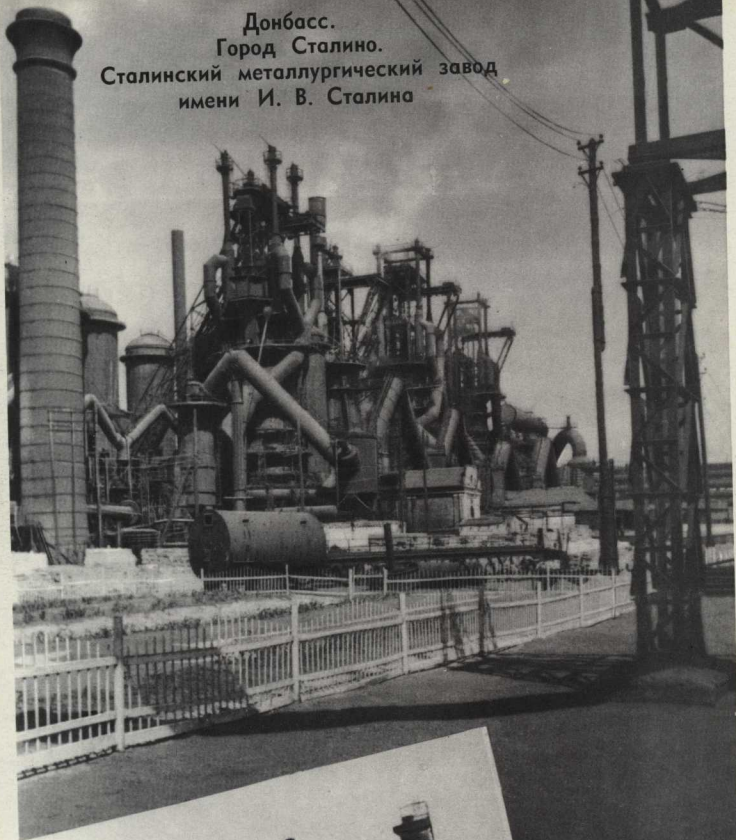
СМЕНА

24

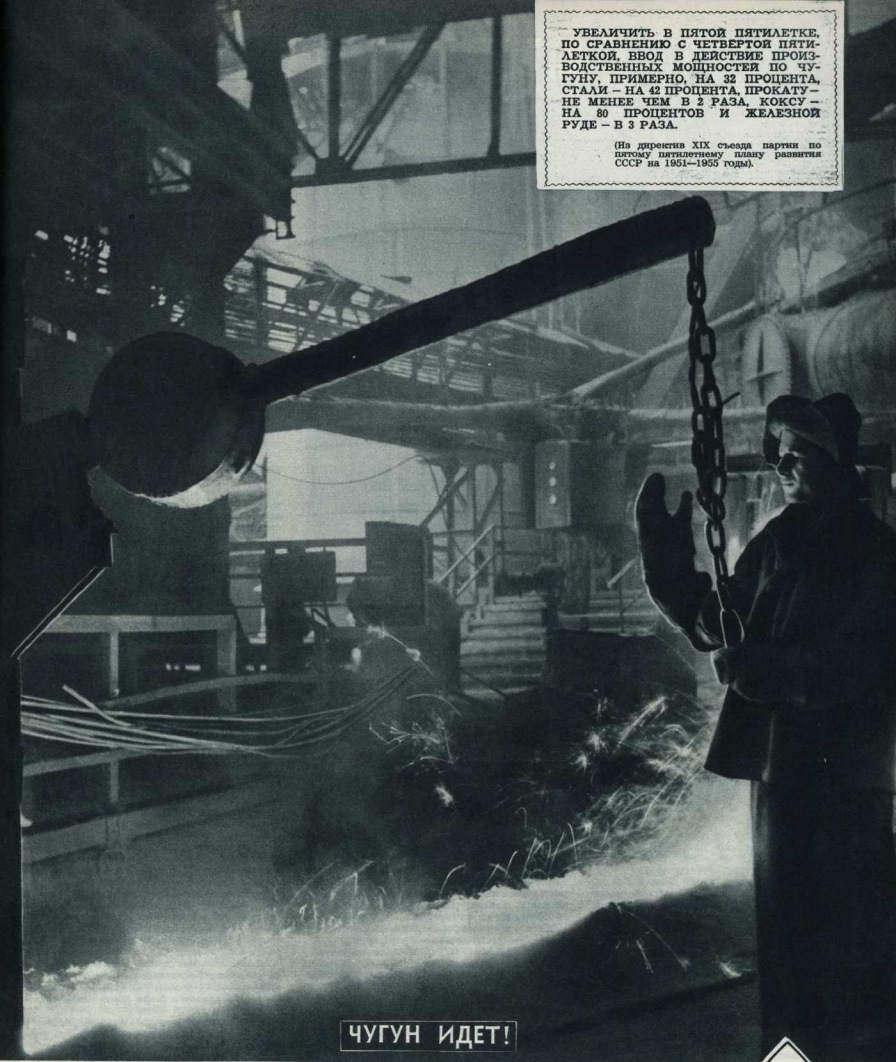
1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Донбасс.
Город Сталино.
Сталинский металлургический завод
имени И. В. Сталина

Вот он, металлургический «гигант» Дюна Юза (снимок слева внизу). Английский делая, провозвещавший богатства на юге России, бросил свой «благотворительный» остров — Ангдию и перешел в Донецкий бассейн. В конце прошлого века, жестоко эксплуатировав русских рабочих, он построил в районе нынешнего города Сталино первую доменную печь, что изменило судьбу и города Юза. Страшный пожар в конце 1904 года со- страшил до бесчувствия; тогда все работы возобновились вруч- ить. Грозная оттого, что авария и зарывом юнца в годы со- стили. Посмотрите снимок сверху. Эти дома построены в годы со- вестной власти, на месте завода Юза. Чисто, светло, красиво. Здесь все механизировано. Мощная отечественная техника пришла на помощь доменщикам. О молодежи этого завода сегодня бригадой журнала «Смена» в составе И. Кобяка, С. Кузакова. Фото Г. Борасова).

УВЕЛИЧИТЬ В ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ, ПО СРАВНЕНИЮ С ЧЕТВЕРТОЙ ПЯТИЛЕТКОЙ, ВВОД В ДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ ПО ЧУГУНУ, ПРИМЕРНО, НА 32 ПРОЦЕНТА, СТАЛИ — НА 42 ПРОЦЕНТА, ПРОКАТУ — НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ В 2 РАЗА, КОКСУ — НА 80 ПРОЦЕНТОВ И ЖЕЛЕЗНОЙ РУДЕ — В 3 РАЗА.

(На директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы).

ЧУГУН ИДЕТ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 24. 1952 год.

Год
издания
29-й

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ

Сталеваар Николай Бычков и его подручные.

УТРО ЗАВОДА

Туманное осеннее утро. Гулким бархатистым басом пролет заводской гудок. Комсорг завода повисил в зеркальный шифонер, стоящий в помещении комитета, мокрое пальто, аккуратно причесав волосы, поправил галстук.

У комсорга открытое, энергичное лицо, умные, внимательные глаза. Даже при первом знакомстве с ним складывается впечатление, что этот человек не растеряется в сложной обстановке.

Начиная свой рабочий день, Виталий прежде всего перевернул вычерпанную страничку настольного календаря. Как и всегда листок календаря густо исписан. Он напоминает о необходимости проверить посещаемость в вечерней школе рабочей молодежи, поговорить с дирекцией завода о том, чтобы выделить, наконец, комнату комсомолке Кавыковой. Да вот ещё что. Нужно встретиться с вагранщиком Володей Майковским. Нехорошо получается с ним. Парень — круглый сирота. Его буквально вырастила комсомольская организация завода. Здесь, на заводе, он специальность получил, здесь же и в

комсомол вступил. И вдруг — на тебе! — перестал посещать комсомольские собрания, не платит членские взносы. И, главное, ничего объяснить не хочет. Что с ним случилось?..

Всего несколько недель назад состоялось заводская комсомольская конференция, на которой Виталий Мельшица, механик литейного цеха, избрали секретарём комитета. Опыт у него, конечно, ещё мало. Первое время ему, видно, будет очень нелегко. Но он знает: помогут товарищи, помогут партийная организация.

Заместитель секретаря Раа Бирюкова лучше знает комсомольскую работу: она в комитете уже второй год. Бойкая светлоглазая девушка, она успела за год узнать каждого комсомольца. А их на заводе более двух тысяч!

Когда Раа появляется в комитете, сразу же шумом и оживлением наполняется комната.

Виталий во всём советуется с Раей. В особенности в первые дни очень часто обрещался он к ней за помощью. Случалось, придёт в комитет комсомолец выслушать ке-

кой-нибудь волнующий его вопрос, а Виталий, прежде чем решить, говорит: «Подождите одну минутку», — а сам — к Рае, посоветоваться. Одна голова, говорят, хорошо, а две — лучше.

В первые утренние часы в комитете обычно народу немного. Это — самое лучшее время для того, чтобы просмотреть газеты, продумать план работы на день.

— Раа, как ты думаешь, — обращается комсомолец к своему заместителю, — почему Володя Майков из мартеновского цеха стал уклоняться от комсомольской работы?

— Не знаю, — недоумением пожимает плечами Раа Бирюкова. — А ты пробовал с ним объясниться?

— Пробовал. Но он скрытный парень. Усмехается только. «Вас», — говорит, — должность комсорга обязывает во мне беседы проводить?» Больше ничего из него не выжмешь.

— Раа минуту помолчи, потом предлагаю: — А пусть его ещё раз обсудят на комсомольской группе. Парад своим товарищам можно молчать не станет.

В это время на столе комсорга пронзительно звонит телефон. Виталий срывается трубку. Голос его становится тревожным:

— Не посещает политзанятия! Я эту деушку знаю. Им её недавно принимали в комсомол... Тут дело вот в чём: у неё большие глаза, и врач ей временно запретил читать книги. Вы поручите своим комсомольцам, чтобы они взяли над ней шефство, вместе готовились к занятиям и чтобы книги читали вслух. Правильно... Надо, чтобы она не грустила...

Хлопнув дверью, в комнату быстрой походкой входит член комитета, диспетчер газового цеха Георгий Кудинов.

— Виталий, у меня к тебе вопрос: — дело-то нечистое он! — Будем мы на следующем заседании комитета утверждать план мероприятий по производственному сектору?

— Утверждать план мероприятий? А откуда же мы возьмём эти мероприятия?

— Предварительный план я как ответственный за сектор, набросал. А остальные члены комитета на заседании дополнят. Мы всегда так делали.

— По-моему, это не совсем правильно, — задумчиво говорит комсорг. — Не лучше ли нам сперва пригласить комсомольцев-производственников — молодых домеников, сталевааров, вальцовщиков — да послушать, что они нам подскажут? Сейчас все знакомится с директивой XIX партсъезда по пятнадцатилетнему плану. И, наверное, у каждого много интересных мыслей родилось.

— Пожалуй, ты прав, — соглашается Кудинов.

Разобравшись с бумагами, прочитав поступившие в комитет письма, комсорг поднимается из-за стола, с любопытством смотрит в окно. По стеклу медленно сползают прозрачные ниточки дождя. Небо серое, туманное. Виталий надевает пальто, коротко, с улыбкой объясняет:

— Пойду в мартеновский, а то боюсь, я здесь, в кабинете, скоро превращусь в бюрократ...

... Комсомольская группа мартеновского цеха собралась в пятницу в актовом зале на первом красном уголке. Открывая собрание, секретарь цехового бюро Женя Костин строго сказал:

— В прошлый раз мы уже обсудили у себя на группе недостойное поведение комсомольца Майкова. Майков пришёл на работу в нетрезвом виде и, чтобы обмануть товарищей по работе, сделал вид, будто он плохо себя чувствует. Мы вынесли на группе Майкову взыскание. Вместо того, чтобы осознать свою ошибку и исправиться, Майков после обсуждения оторвался от коллектива, перестал посещать собрания, платить членские взносы, ходить на политзанятия. Я предлагаю вынести из группы Майкова и объяснить своё поведение.

ИМЕНИ СТАЛИНА

— Я уже объяснял, — с места ответил Майков. — Я был болен.

Один за другим стали подниматься комсомольцы. Они говорили о том, что их товарищ неправильно отнёсся к критике. Майков, нахмурившись, молчал.

«Кто прав? — напряжённо искал ответа комсорг. — Действительно ли Майков позволил себе явиться в цех в таком виде или, может быть, ребята не разобрались? Может быть, он и правда был болен, и поэтому обидя на товарищей взвесь ему в сердце?»

— Ты понимаешь, что из-за каждого случая халатного отношения к работе мы недодаём стране тонны необходимого металла! — с волнением заговорил один из комсомольцев. — Ведь это касается нас всех. Так чего же ты обижаться, что мы тебя по-прикисовали на группу?

— Ты думаешь, я этого не понимаю! — неожиданно вскричал с места Володя Майков. Голос его дрогнул. — Просто мне стало обидно, что никто со мной как следует, по-товарищески не поговорил. Я ведь накануне почувствовал, что простудился, и, чтобы не заболеть, выпил водки с перцем... Но, конечно, — уныло закончил он, — вы можете мне опять не верить...

Он сел. Тогда попросил слова Виталий Мельцун. Он сказал, что, по его мнению, группа должна поверить Майкову.

— Только нужно, — Виталий невольно улыбнулся при этих словах, — чтобы Майков больше не лечился водкой, а если заболит, — шёл к врачу. И, главное, не надо больше таить обиды на своих товарищей и убегать с комсомольских собраний.

Майков искренне обещал исправить допущенную ошибку.

Собрание закончилось.

Едва Виталий вышел из заводской двор, его спина (в который раз!) охватило чувством радостного изумления при виде грандиозной панорамы завода.

Распирать локти газопроводов, стоят гигантские фигуры четырёх домен. Над ними, как раздутые змеи, плывёт яркое зарево. Штыками вознись в дымное небо длинная, ровная шеренга мартеновских труб. По бесчисленным железнодорожным путям, переплетающимся, точно нервы живого организма, взад и вперёд со свистом шуют паровозы, подвозя руду, известняковый камень, кокс. Баровой грудой лежат руда — кришная каменная, как окрестили её когда-то разведчики гор. От руды и земля, и трубы, и заводские постройки покрыты здесь рыжей пылью.

Рядом с домами видны застеклённые широкие окна мартеновского цеха и цеха блюминга. За ними возмущается корпус сортировочного цеха.

Стоит пройти по этим четырём основным цехам, и перед глазами встает, рвущий судорогой государственного плана, и перед человеком открывается картина чудесного превращения руды в металл. В начале пути — груды сортировочного камня. В конце, у ворот сортировочного цеха, — штабеля блестящих стальных брусьев с маркировкой завода.

Виталий не удержался, чтобы по дороге не навестить литейный цех, в котором ещё недавно работал механиком. Здесь на ремонт механизмов получил он первое своё трудовое образование. В цехе почти все знакомы ему. Едва он вошёл, ребята с шумом окружили комсорга. Посыпались дружеские шутки, вопросы:

— Ну, как, не скучаешь по цеху?

— Может, назад к нам вернуться?

Виталий отшучивается:

— Теперь поздно. Сами забрали. Расскажите-ка лучше, как у вас тут?

— Ничего. Новый механик дело знает...

В душе молодого инженера Виталия Мельцуна, недавнего выпускника Донецкого индустриального института, при виде знакомых механизмов родного цеха на какое-то мгновение проснулась ревность к любимому труду.

— Ну, как сегодня работает наша комсомольская? — спрашивает Виталий Мельцун подручного горновика Ивана Романюка и контролёра Бориса Попова.

ПЕРВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

Секретарь комсомольской организации доменного цеха подручный горновик Иван Романюк положил телефонную трубку на рычаг и задумался. Он пришёл в контору, чтобы позвонить комсоргу, прямо из цеха, в рабочей блузе, прожжённой чугунными искрами, запорошенной красноватой рудой пылью. Его лицо казалось похуевшим и ещё более острым. Первая дома встала на ремонт. «Как это некстати. Теперь отстанем с планом», — думал Иван, — и вряд ли выполнял свои комсомольские обязательства».

Романюк тяжело поднялся из-за стола. В дверях столкнулся с коммунистом Павленком, по-техническому начальником доменного цеха по шихте.

— Что с вёщью? — спросил Иван.

— Настыль. Будем взрывать. Скажи своим комсомольцам, чтобы помогли взрывкам и камешкам...

Павля прошёл в комнату секретаря партийной организации...
...Настыль. Представьте себе уродливый нарост на гладком и чистом теле берёзы. Вот и у домы, только внутри, с одной стороны образовался такой нарост метровой толщиной. Серовато-жёлтый и тяжёлый, словно сам чу-

гун, он плотно цепился в кирпичную стенку домы. Ни руда, ни кокс, ни известняковые остроугольные камни не смогли сбить этот нарост. В результате загрузка домы шла одной стороной, объём печи уменьшился. Изю для а дель, из смеси в смеску упорно понижалась выделка чугуна. Пришло время печь ремонтировать.

В металлургическом кожухе домы вырезали метровое отверстие, разобрали кирпичи, взвожгли взрывчатку. Взорвал! Настыль на крайнем месте. Сила взрывной волны ушла в сторону по кирпичным швам.

Второй взрыв оторвал нарост от стенки, обрушил его на самое дно печи. Спусти несколько часов настыль вышла из лёгки сверкающим чугуном. Прошло два дня.

Первая комсомольская выдворела, во... план не выполняла. Об обязательствах никто и не говорил, — о них молча и мучительно думал каждый.

В первый день после ремонта пель издала двадцать две тонны чугуна. На второй — двадцать одну тонну...

В три часа дня, на стыке двух смей, в комсомольской конюшне деловой конторы собрались комсомольцы-доменики. Здесь был в се-

кретар комсомольской организации цеха Иван Романюк. Он сказал:

— Мы, комсомольцы доменных печей, знаем, что наша первая комсомольская не даёт плава. А она ведь и так осталась во время ремонта, задождав чугуна государству. А кроме плава, есть ещё и наша обязательная XIX съезда партии... наше письмо товарищу Сталину... Надо что-то придумать. Кто хочет сказать?

Комсомольцы молчали, думали. Их никто не торопил. Здесь надо было не речи произносить, а просто предлагать что-то деловое, конкретное, сей же час осуществимое.

Первый горновой комсомольской доменной Иван Бардых, выскочил, плетясь кудряволиким, курнул шапоро за шапоро. Романюк, высокий, плечистый, в солдатской гимнастёрке, взглянул на первого горнового и медленно с украинским акцентом сказал:

— Иван, товарищ!

— Не вставай, Иван отходил: — Была, чугуна холодный идёт — помощи нужна. Одним горновым трубой. Расширяешь, расширяешь лёгку — дух вои... А это задерживает.

Выступили Дышкент, Романюк, выступили другие комсомольцы. Нигде не записанное решение гласило: в часы холодных плавок первой домной, всемогущие развешивать взаимопомощь.

Решая разослать, кто к печам, кто к ложой. Иван Романюк задержался в комсомольской комитате. Он открыл блокнот, снял телефонную трубку и набрал четыре знакомые цифры: Мельничья Мельница Здравствуй, Рая. Мельничья ты! Попроси его!

По тому, как Романюк разговаривал, в нём легко было узнать вывершеного солдата:

— Мельничья! Дорадываю комитету: сейчас проведи комсомольскую группу. Вопрос один — первая домна. Решили. Да, да, как ты советовал, так и поступили... взаимопомощь.

Первый горновой вытаскил клещами из чугунового жёлоба остатки шлака, аккуратно вываркой пригладил чернотные стенки жёлоба и внимательно посмотрел, как его подручный Иван Романюк готовит к приёму чугуна перерывную лопату. Ох, эта лопата! Иван Бардых до сих пор не может спокойно смотреть на неё. Был такой слухой. По плечу Ивана, тогда ему только что присвоили звание лучшего горнового Сталинской области, чугуна провал песок под лопатой и пошёл в сторону шлакового жёлоба. Расплавленные металл мог зайти рабочую площадку и провал по шлаковому жёлобу, уничтожить шлаковые ковши: они ведь не выложены внутри огнеупорным кирпичом. К счастью, чугуна удалось остановить и направить в приголовленное дно него русло.

И всё же лучшего горнового области тогда перевели на целый месяц в подручные. Бардых, знающий себе цену и, может, потому малость самолюбивый, на всю жизнь запомнил этот «день падения авторитета».

Вот почему он так придирчиво осматривал работу своих четырёх подручных. В топочной, кова первая комсомольская готовилась выдать чугуна, в цех пришёл комсорг Василий Мельничья вместе с секретарём партийной организации домничком Георгием Александровичем Аляпкиным. Песчаные комора, слово русла пересохших ручейков, пересекая площадку, обрывались над кошами. Бур готов, двухдлинная пушка для закрытия чугунной лётки жареная, горновые каждый на своём месте.

Всё готово. Сейчас из камней, угольных, рудных, известняковых, всего того, что именуются коротким словом «шпихта», появится настоящий металл.

Вахту несёт смена мастера Яценко. Василий Васильевич тон и дело поглядывает сквозь сивое очко в глазок фуры: там, словно бело-сивое облако, словесно торочится в трубу жидкое мезиво. Свободные от вахты домнички и подручные парторга. Тихо переговаривались, поглядывая на чугунную лётку.

Домна, окутанная паром, казалось, еще сдерживала в своём утробе дым, сверкавший металлом. По сигналам мастера горнового приставки к чугунной лётке механический бур. Он дробно забаравивал, пробивая выход чугуна. Минута,

и хлынул людям навстречу поток бело-сивых зведочек-искр. Когда они осели, из пробитого отверстия, увеличивая скорость, легко потёк по жёлобам расплавленный чугун. По его ослепительно-беловой поверхности катились серые корочки шлака. Металл залопил ковши один за другим, падая на дно бесшумно, как падает а бочку ланта густого, тягучего мёда.

Вдруг металл заметно начал холодать. Тело его, красноватый, шёл не бесшумно, а тихо поскрипывало, искрив и очень медленно стекала в ковши. Ослепительно отверстие дётки становилось всё уже и уже.

Иван Бардых сильно ударил лопатой в огневую, медленно закрывающийся жёлоб и удивлённо вскинул широко чёрные брови, когда увидел, что вслед за его ударом несколько длинных лмолов потонули рядом с его домном, разорвавшись и коржика застывающую лётку. Во-время прилила комсомольцы-горновые второй, третьей и четвёртой доменных печей. В горную минуту Иван забыл решение комсомольской группы и сейчас, радостно улыбаясь, с удавленной силой разворачивал лётку, из которой снова широкой лентой хлынул чугун. И как-то чугуна!

Вот она, комсомольская взаимопомощь, в действии!

Взятый на пробу чугуна отвечал самым придирчивым требованиям работников технического контроля. В эту ночь комсомольская домна в первый раз после ремонта дала плава, выпустив чугуна точно по графикам.

Появившись откуда-то из темноты Панёв, возбуждённый, радостный, строго и коротко приказал мастеру:

— На триста килограммов уменьшить металлодобавку!

Василий Васильевич Яценко хотел сказать: рано, мол, только из котла встали... но промолчал и быстро пошёл с несённым приказом под бункера.

«Осторожно, осторожно, приёмник! — вонь хрупкая!» Комсорг Дмитрий Гришино и Пётр Юзьин уже слушали радиопроцентист из Москвы.

Машинист вагон-весов Алексей Шалатович мравчо выслушал распоряжение. Он резко сматнул с чёрной доски меловую цифру «1100» и вместо неё написал «400». На триста килограммов меньше стала выходящая печь сплительной металлодобавки.

Медленно стаяя по новому двору на выход, комсорг задумчиво произнес:

— Не поспел ли Панёв с приказом? — Нет! — быстро ответил Аляпкин. — Из жёлоба спарить жезок — штука нехитрая. Вы же руды, из камня добуд его... и, помалоча, про-

должал: — Металлодобавка для домны — дело хорошее, но дорогое. Панёв прав. Вспомни, сколько килограммов железа шлак в первую домну до ремонта? Триста — пятсот килограммов, не больше. А Панёв в эти дни давал нам тысячу с лишним, помог дойти до плава, а теперь надо как-то снова выйти из положения. Потом, план планом, но ведь и обязательства мы не сбавляем...

За пятым ярем выспыхали огни второй домны, начавшей выпуск чугуна, и домны третьей, выходящей в шлаковую лётку. Впереди, выходящая в шлаковую лётку, тумане тысячами огней заводской послок.

Процаясь у главного входа, где на красном полотнище были написаны мелом стихи:

Чётко крепче мы стали,
Добро больше стали...

Аляпкин сказал:

— Металлодобавку надо поискать где-то возле самых печей, на рудном дворе. Понимаешь мент?

Секретарь партийной организации домничком Георгий Александрович заволта так, будто тот сам был домничком, словно ему самому предстояло воспользоваться, то что огни у первой домны помощник начальника по шпите Панёв. Привыл Аляпкин часто видеть в своём цехе комсорга. Привыл, а ведь и работает-то парень всего месяц.

На пятый день комсомольская домна перевыполнила задание на семь десятых процента. Некоторое время, казалось, набирая сил, она держалась на этой цифре и вдруг выдала двадцать две тонны чугуна сверх плана. Потом сразу тридцать шесть тонн. Это уже было намного выше вятых обязательств.

Начата комсомольцами взаимовырчка в работе распространялась по всему цеху. Теперь горновые первой домны в тридцать минут могли комсомольцами третей печи. Молодёжь четвёртой, самой механизированной, домны ревностно следила за работой второй печи. Домны соревновались между собой и помогали друг другу.

Но не только это помогло первой комсомольской твёрдо стоять на ноге. Не только поэтому на четвёртый день она уже перевыполнила план, а на пятый — и своё повышенное обязательство.

Молодые домнички были прежде всеобщими экономками цеховыми. Они удумчиво экономили дорогие материалы и упорно повышали температуру дутья нагретого воздуха в печь. Это сберегало тонны кокса. Кроме этого — кем и в какую именно смену, никто не помнит — было придумано и другое...

Представте себе песчаное русло высохшего ручейка. Вырыйте на дне этого русла пять или шесть канавок, через каждую метр по канавке, пустите в ручейки воду, и вы увидите, что в более тяжёлые песчинки и камешки осадут в канавы, а мелкие, лёгкие уйдут поперку.

Вот по этому принципу и были созданы на домничной площадке канавки-ловушки в шлаковом жёлобе. Главнейший чугуна, прежде уходящий вместе со шлаком, оседал в боковых комсомольскими ловушками. Несколько тонн в сутки — такова добыча этих простых и вместе с тем изобретательных канавок.

Остатный чугуна в ловушках (он сплитком нечист для марленов) загружался обратно в домну. И кто знает, не об этой ли металлодобавке говорил секретарь партийной организации домничком комсоргу, когда они незаметно, но вполне расхлосились по домам от заводских воров?

...В субботу после смены Иван Романюк зашёл в заводской комитет комсомола.

— Наконечник у нас ужежился внаспити! — упрелудка его Рая.

Романюк устал улыбаясь: — Да всё некогда было... Вот теперь дело другое...

— Как сегодня работати? — спросил Мельничья.

— Вот я и говорю, теперь можно и в гости ходить... сегодня наша комсомольская выдала сорок шесть тонн сверх обязательства!

Сталевары Иван Попацено и Яков Васильевич Кузьмин.

БЕСЕДА У МАРТЕНОВСКИХ ПЕЧЕЙ

Комсорг завода с интересом остановился перед красиво оформленной стеньгазетой мартеновского цеха. Бросаясь в глаза крупный шрифт названия газеты: «Молодой сталевар». А чуть пониже, на самом видном месте, сообщалось о новом трудовом успехе коллектива комсомольско-молодёжной печи № 6, где сталеварами работают Николай Бычков, Иван Припетченко и Николай Пастушенко.

«Упорный народ! Их печь — до сих пор лучшей агрегат в цехе!» — мелькнула у Виталия Мельнича приятная мысль. Но тут же он подумал: «А не слишком ли много мы все уделяем внимания именно этому агрегату, порой несправедливо забывая о других? Ребята действительно работают мастерами, но всё же при остром, живом соревновании удержать победу им было бы не так-то просто».

Виталий вспомнил, как с обидой говорил в комитете молодой сталевар Иван Олейник:

— Если бы к нам было такое же отношение, как к комсомольско-молодёжному агрегату, я бы Бычкова уже давно обогнал. И Олейник действительно стал быстро набирать темпы. А ведь такие, как Олейник, в цехе ещё найдутся!

Вместе с секретарём комсомольского бюро мартеновского цеха Виталий по узкой железной лестнице, похожей на трап корабля, спустился в цех.

Перед глазами открылся просторный, озарённый багровым светом гулкой зал. Стеклояные своды его с трудом вмещают оглушительный звон и грохот металла. Жаром дышит она печей. Завалочные краны, проворно поворачиваясь, загружают в мартеновские печи scrap — железный лом...

Виталий вглядывался в знакомые лица рабочих.

Вот стоят перед доской показателя две сталевара. Оба в аккуртных рабочих куртках, в сдвинутых на лоб синих очках. Один уже начинает седеть, а у другого, видно, не

так давно появились над верхней губой чёрные пушистые усы.

В пожилым Виталий сразу узнал Якова Васильевича Кузьмина — опытного специалиста своего дела. Более двадцати лет Яков Васильевич варит сталь здесь, на заводе. Не раз завоевывал он звание «Лучший сталевар области».

Рядом с ним стоит бывший его подручный, его ученик Иван Попацено. Это один из молодых, ещё ничем не проявивший себя рядовой сталевар. Комсомолец Попацено, видимо, очень горд тем, что ему доверили мартеновскую печь. Держится он с достоинством и слово «сталевар» произносит чуть-чуть торжественно.

Секретарь цехового бюро Женя Костин уже успел сообщить Виталию, что старик Кузьмин соревнуется со своим недавним учеником.

— Ну, кто кого на этот раз? — поинтересовался комсорг, подойдя к доске показателя.

— Молодёжь обгоняет, — отозвался пожилой сталевар, указывая на цифры процентов, выведенные мелом на красной фанере.

— Это почему же так получается?

— Да ведь у молодого энергии больше.

— Зато у вас опыт.

— Опыт-то мой он успел себе привратить да ещё своего прибавил.

Виталий пошутил:

— А я слышал, что старини-сталевары какие-то свои особые «секреты» знают, которые им очень помогают.

— Ну, являлись, сыночек! Какие же теперь «секреты», когда у нас лабораторный анализ да разные приборы. До самого атома добрался. Я уж теперь, чтобы не отстать, техническую учёбу прохожу. С Иваном за одной партией сидим. Химию изучаем. Вот где «секреты» открываются!

Яков Васильевич Кузьмин несколько секунд молча смотрит на комсорга, потом переводит взгляд на своего ученика.

— А кроме всего прочего, можно прямо сказать, что Иван Попацено свою работу очень уважает. Помню, прямо из ремесленного поступил он ко мне в подручный. Новичок обычно путается, пока дело пойдёт. Бывает, недомогишь за новичком, перегрев печи получится, даже свод может оплавиться. С Иваном никаких таких случаев с самого начала ни разу не было. Старательно работает. Следит за тепловой режим.

Виталий обращается к молодому сталевару:

— Сколько у тебя в этом месяце скоростных плавов? Шесть? А сколько дал стране сверх плана? Сто двадцать тонн! Хорошо... А ты не смог бы, как бригадир комсомольско-молодёжного агрегата, дать триста тонн сверх плана?

— У них печь новенькая, только из ремонта, а на моей уже насады засорились, трудно разवरнуться, — тихо, точно замявшись, ответил Попацено.

После окончания смены комсорг снова зашёл в мартеновский цех: послушать беседу агитатора-коммуниста с молодёжью. Среди собравшихся в кружок молодых сталеваров Виталий Мельничин увидел и Богатырскую фигуру Николая Бычкова, и художество, энергичного Ивана Олейника, и смуглого, очень юное лицо Ивана Попацено...

Агитатор рассказывает о прошлом заводе, о том, как в небольшом, дочерна прокопченном цехе в первые годы после гражданской войны рабочие делали кремлёвские замкилки, о том, в каких трудных условиях создавал народ свою тяжёлую индустрию.

Неторопливо и обстоятельно ведёт агитатор беседу. А рядом полыхают огнём мощные мартены, со звоном проплывают над головой подлёдные краны, свесив широкие окна ярким потоком являются свет. И молодым ребятам трудно представить себе те мрачные картины прошлого...

ВАЛЯ РАСКАЗЫВАЕТ О КУРАКО...

Но вот агитатор переходит к рассказу о будущем.

Заглядывая в блокнот, он говорит:

— Директивы по пятому пятилетнему плану устанавливают увеличение в 1955 году по сравнению с 1950 годом выпуска чугуна примерно на 76%, стали на 62% и проката — на 64%. Директивы съезда поставили перед нами, металлургами, большую, серьёзную задачу:

«Обеспечить дальнейшее улучшение использования действующих мощностей металлургических предприятий».

Валентий обратил внимание, как жадно вслушивается в рассказ агитатора комсомолец-сталеваар Попащенко. В его чёрных, глубоких сдвинутых глазах, казалось, загорелась какой-то зазорный огонёк...

После работы Ивану Попащенко направился в заводскую библиотеку и допоздна сидел там, перелистывая газеты, в которых публиковали материалы XIX партийного съезда.

На другой день он задержался в цехе после работы и долго совещался о чём-то со своим слемничком.

А ещё через несколько дней на заседании комсомольского комитета Попащенко предложил новизну и, сильно волнуясь, сказал:

— Здесь правильно говорили, что после партийного съезда мы должны и жить и работать как-то по-новому. Меня тоже очень сильно взволновали директивы съезда. Какой размах во всём! Когда читаешь, чувствуешь такой прилив сил, что просто хочешь горы поднять на ветру. Самые работы просит. Я, например, решил в этом месяце дать стране сверх плана четыреста тонн стали, и не меньше.

Невольно раздвинулись восклицания:

— Вот это да!

— Перехватили!

— Это, брат, ты не продумал!

А когда возмуждение несколько утихло, заговорил комсорг завода:

— Выступил Попащенко, понятно, объясняется тем, что он по-комсомольски горячо воспринял замечательные директивы съезда. Его энтузиазм мы должны поддержать. Но только все мы должны помнить: комсомольцы не на ветер не бросает. Если дал обещание — все силы приложи, а исполни да. А мы все Ивану Попащенко поможем.

...Как-то в конце месяца зашёл комсорг в мартовский цех узнать, кто из молодёжи не учится в вечерней школе.

Возле комсомольско-молодёжной пещи его остановил подручный сталеваар Ваня Жук:

— Товарищ комсорг, поспросите начальника цеха, чтобы мне выходной день перенесли с понедельника на четверг: мне так удобнее урочи в школе учить.

— А ты в каком классе?

— В десятом.

— Молодец! Смотри только не бросай учёбу, а насчёт выходного мы договоримся.

Ваня Жук поблагодарил комсорга.

В эту минуту багровое сияние озарило цех. Огненные блики заиграли на окнах, на лицах, на синих стёклах очков.

— Попащенко даёт плавку,— тихо сказал кто-то из бригады Николая Вычкава.

Другой посмотрел на часы и добавил:

— Опять споросят.

— Догоняет нас,— заключил третий.— Однако погоды, месяц всё не кончился, а ещё неизвестно, кто — кого...

Раскатыстый голос цехового радиорепродуктора поздравил комсомольца-сталеваара с успехом.

Каждый, кто был в это время в цехе, с интересом (как будто в первый раз) обернулся в ту сторону, где из печи по желобу стекла сейчас и падала в ковш тяжёлая золотая струя металла.

Какая радостная минута!

Люди своими глазами видят замечательный результат своего труда!

От медленной горячей струи взлетает кварцу вверх золотых искр, пророчащих в воздухе огненные линии. Искры звёздочки рассыпаются под потолком и гаснут. И это очень похоже на вспыхивающий ракет праздничного салюта...

...Загадка доменной печи так никто и не разгадал. А вела домна себя очень странно. Старый горновой Власыч, пощипывая седой длинный ус, на все вопросы отвечал одно и то же:

— Вот её знает, видно, с ума сошла старая.

Целый день рабочие валакы в прожорливую утробу домны топили руды, кокса и камня, которые должны были претерпеть в сверхжаркой метала и шлака. Но когда пробная плавка, метала, вышла очень мало. Во вторую выработку его было ещё меньше. На третий раз из открытого отверстия похлынула плазма, а чугуи так и не появился.

Власыч сотый раз заглядывая в глазок фурмы печь шла нормально. Она исправно пожирала руду, а чугуи не давала.

Куда уходила расплавленный металл?

Если бы в то время кто-либо смог ответить на этот вопрос, то всех рабочих как ветром сдуло бы от печи. Каждый человек, не оборачиваясь, что есть сил бросился бы подальше от своей горькой участи, которую готовила ему старая трояная домна. Но люди хоти и были в тревоге, а опасности не чувствовали.

В это время расплавленный чугуи прогряз фундамент доменной печи. Он коснулся сырой земли, на которой стояли десятки рабочих, и в один миг провалился наружу. Расплавленный метала молниеносно поднял падак земаи и, словно плат, понёс его по укладу. Не было такой силы, которая бы могла снить людей с медленно горящего кирпича земаи. От них не осталось даже пепла. Погиб и старый добрый Власыч...

Всё это произошло на глазах семнадцатилетнего катала Михаила Курако. До конца дней своих он помнил смерть своего лучшего друга и учителя — Власыча. И, может быть, в тот миг он поклялся облегчить судьбу домничком...

Валя поднимая красивую русую голову и взглянула на подруг. Двадцать девушек сидели за длинным столом. В красном уголке девичьего общежития было так тихо, как бывает в пустой комнате.

Страшный пример, который привела Валя в своём докладе, необычайно ярко стоял перед глазами слушателей. Вот, оказывается, как жили домничком при Диком Юзе-жестком английским долце.

В памяти встаёт виденный в старых книжках образ толстого человека с жидкой бородой шотландского рыбака. Это сам Юз. Вспоминается и старая Юзевица с её «собачьими», изорванной грязью мраморными, словно тирьими, барками для рабочих и блестящей архитектуры каменным особняком для хозяйки.

Девушки — все они работают на Сталинском металлургическом заводе имени И. В. Сталина — хорошо знают историю старой Юзевики по книгам, по рассказам древних стариков-отецвидов. Из доклада своей подруги Валя Берзинской они узнали ещё очень много нового. Валя очень подобрал материал, до сих пор девушкам неизвестный. Не зря хваляла её доклад на комитете.

Внеякий в рабочем поезде металлургов слышла фамилию Курако, но на каждый зинутькину жизнь этого чудесного человека, чародей доменных печей, который всю жизнь старался облегчить изнуряющий и опасный труд домничком.

Михаил Константинович Курако очень любил молодёжь. К деревенским парням, поступающим работать в доменный цех катальми, он относился, как родной отец. Михаил Константинович старательно и умело развивал таланты молодых русских металлургов.

Академик И. П. Вардиен, один из многочисленных учеников Курако, называет Михаила Константиновича: «...мастер домничкомого дела и человеческих душ...»

«Меня жизнь столкнула с Михаилом Константиновичем Курако в 1911 году,— вспоминает академик,— когда я только что возвратился из Америки в подвоянный настроении и неудовольный судьбой своей».

Я как сейчас помню нашу первую встречу. Во время ознакомления с доменным цехом, на что я употребляла каждое воскресенье, ко мне подошёл человек, совершенно непохожий на других. Немолодой, с жи-

— Вот оно, наше образцовое общежитие,— так называют молодые металлурги свой новый дом на Комсомольской улице.

выми глазами и быстрыми, но лёгкими суетливости движениями, он своей одеждой — шляпа, сапоги, синяя тулупка — явно нарушала заводской стандарт. Он заговорил со мной. Это не был обычный, insignificant разговор случайно встретившихся людей, но домашний интерес и вызывающая массу новых мыслей беседа. Он хотел знать обо всём, увиденном мною в Америке, но очень скоро мне стало ясно, что этот человек, никогда не покидавший России, узнала и знала уже всё, с чем я столкнулся в Новом свете, и притом чётче, яснее, чем я.

Молодая доккадница рассказывала по-другому о Курако, и девушка ясно представляла себе его честный и благородный образ, вспоминала седеющую кареглазую женщину в клетчатой кофте — дочь Курако, Анну Михайловну, которая до сих пор работает в конторе Сталинского металлургического завода.

— Девушек, — продолжала Валя Березникова, — была в жизни Михаила Константиновича такой случай...

И Валя рассказывала, как лет пятьдесят назад доменный мастер Курако первый в России расплавил «козла» — застывший на дне домы чугун. Тогда «казла» считалось смертью доменной печи. После такой аварии её просто взрывали и строили новую.

Онижды за Курако приехали на лошади и попросили прибыть на завод «Русский провиданс», где заправляли бельгийцы. Они «казлами» одну домыту.

— «Козла» можете расплавить? — спросил Михаила Курако.

— Могут, — ответил он, — только одно условие: кроме денег — они мне мало интересуют, — когда печь зарывется, вы, иностранцы, напишите на банке завода, что такой-то русский, — он сделал ударение на этом слове, — русский мастер ликвидировал «козла» на «Русском провидансе».

Директор-бельгиец стиснул зубы, но согласился: для него прибыль была дороже всего.

Михаил Курако снял у застывшей почти одну фуруму и в открывшееся отверстие направил две сложенные вместе трубки. По одной из них под сильным давлением шёл горячий воздух, по другой — струя нефти. Синеватый язык огня нефтяной форсунки прожигал застывший чугун, увеличивая в нём пустоту. Проза домен, «козла», таяла, как лёд.

Курако возвратился домой с документом в кармане.

«Видно доменному мастеру...» Михаилу Константиновичу Курако в удостоверение того, что на заводе «Русский провиданс» ему поручена была печь с «козлом» и благодаря его умению через три дня пошла нормально...

Валя Березникова рассказывает о Курако.

Михаил Константинович был великим патриотом Родины, твёрдо уверенным в достижении русских мастеров. Он первым на горных заводах Юга начал извлекать иностранцев. Когда ему предлагали стать начальником доменного чеха Краматорского завода, он потребовал:

— Убрать всех немцев с руководящих должностей.

Курако не отступил от своих требований. Он защищал честь русских, их жизнь. Перед его глазами стояла смерть не только Власыча, но и убийственные цифры из официального отчёта: в одном лишь 1886 году на горные заводы России убито 83 человека, ранено 9 882.

Валя рассказывала, и губы у неё дрожали. Какая страшная жизнь была раньше! И где? Вот здесь, на родной и счастливой теперь донецкой земле...

Русоволося доккадница широко открытыми глазами смотрит на подружку и думает: «Вот ты, Маруся Маркова, разве могла бы прежде быть мастером? А ты, Тая Алыгина, — токарка? А ты, Светлана Калчинова, — техник? А я сама — контролёром блуминга?.. Ведь при Джоне Юзе здесь не было школы. А сейчас только в одном нашем Сталинозаводском районе их восемнадцать!..» И светлеет глаза Валентины, и радостно улыбается подружка.

Они смотрят в окно. Там, за тёмными занавесками, как бы стирая собой всякую память о страшной Юзюке, широко рас-

кинул прямые, чистые стены и светлые, высокие дыма город Сталино. На его окраине металлургический завод имени И. В. Сталина. Высоко и гордо поднимают в небо свои широкие плечи могучие домы. В щеле всё механизировано, как об этом и не мечтал даже в самых смелых думах великий доменщик Михаил Курако. Быстроходные паровозы подвозят груз к буферам, вагоны-боссы перебрасывают груз к доме, скипы-тележки типа финкулара сами опрокидывают многие тонны шихты в печь. Двухцилиндровые пушки... Механические буры... Новейшая аппаратура у газосварщиков... И не услышишь здесь слова «козла»!

— Девушки разошлись по комнатам — чистым, светлым, уютным, какие могут быть только в девичьем общежитии. Одни собирались на работу, другие передавались, чтобы сидеть в постель. Валя убрала на этажерку комплект доклада о Курако и, одевшись, зашла в комнату комсомолки Светланы Кагановой.

— Ты подготовила?

— Ещё вчера, — ответила Светлана, показывая партре тетрадь, на обложке которой было написано: «Второе рождение романа «Молодая гвардия».

Валя заглянула в карманный календарик.

— Ты, Светлана, расскажешь нам о Фадееве в пятницу, послезавтра. Так по плану. А сейчас пойдём покажем твой комплект Мельшину...

Мустай КАРИМ

Партии рядовой

«Я участник, что я этой силой
часть...»
Маяковский

Когда разразилась гроза войны
Над мирной моей страной,
Мы под знамёна — плечо к плечу —
Встаём в единый строй.

Сказал командир: «На три шага
Вперёд, рядовой Карим!
Ты в авангарде пойдёшь, боец,
Прокладывать путь другим!».

Я повторяю в этот памятный день.
Слово одно: вперёд!
Знаю: это партия мне велит,
Родина в бой зовёт!

От авангарда не отставай
С того боевого дня,

В атаку шёл свёзод орудий тром,
Сквозь яростный шквал огня...

Партия — море, я капля в нём,
Капля воды живой,
Партия — пламя, я искра в нём,
Партия рядовой.

Партия! Труженик я простой,
Я рядовой в строю,
Я воле твоей, я силу твою,
Я слышу твою волю.

Я слышу всегда твой призывный клич,
Твой голос зовет меня жить:
Ты в авангарде пойдёшь, Карим,
Прокладывать путь вперёд!

Перевели с бакинского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ
и Ирина СНЕГОВА

СЛОВА ЛЮБВИ И ПРЕДАННОСТИ

Микола УПЕНИК

Гнездо орла

Где горы в небесном просторе
Стоят над парящим орлом,
В кавказском селении Горы
Есть домик,
Что миру знаком.

Здесь гор голубые отроги,
Седого Кавказа маршрут,
Все тропки, пути и дороги
К нему непременно ведут.

...Под плоским и низеньким кровом,
Что видит вселенная вся,
В жилище простом и суровом
Для подвогва сын родился.

И песня грузинская звонко
Лилась, как ручей между скал.
И с гордостью
Сына
«Орлёнком»
Отец в этой песне назвал.

И мать колыбельную плавно
Здесь пела, встречая рассвет...

То было давно и недавно —
Немало прошло уже лет.
Вот здесь прошагал он впервые
От стула к столу два шага.
Свидетели это юные —
Тут каждая вещь дорога.

Здесь юношу с взглядом орлиным
В дорогу отправила мать.
Народ уже стал
Еа сына
Товарищем Сталиным звать.

Ведёт он нас —
Гения могучий —
Дорогой крутой, боевой.
...И вот по ступенькам скрипучим
Вновь входим мы в детство его,

В семью, что любому знакома,
Что Сталина миру дала.
Спасибо горькому дому —
Гнезду боевого орла!

Перевод с украинского
Анисим КРОНГАУЗ

Леонид КРИВОЩЁКОВ

Сердце вождя

Ты знаешь, друг, как трудно стать любимым
Хотя бы земляками на селе?
А он за гения свой неповторимый
Любим народами по всей земле.

Чтоб дети в мире спали без опаски,
Он вновь сегодня до рассвета встал.
Он папку типографской краской
Газету «Правда» первым прочитал.

Там пишет женщина из города Афины,
Мать Белоянниса.
Прислушайся к словам:

«С застывшим сердцем перед смертью сына
Мои надежды обращаю к Вам...»

Ты знаешь, друг, любовь людей — награда:
Чиста и высока она.
Какое ж сердце человеку надо,
Чтоб миллионом отвечать сполна!

Нам жить, как он,
Учиться и работать,
И быть, как он, кристальными людьми,
Чтоб помочь ему в его больших заботах
И быть достойными его любви!

г. Алма-Ата.

А. ДИХТЯРЬ

Дорогое имя

Двор дожди осенние хлестали.
Ветры сквозь стекло просидели в класс.
Затаил дыханье, слово «Сталин»
Первоклассник вывел в первый раз.
Пуст коряво буквы получились,
Он писал их сам,

своей рукой!
И в глазах мальчонки засветились

Искры счастья, гордости собой!
Написал опять родное слово,
Прочитал, волнуясь, по складам,
Улыбнулся радостно

и снова

Вывел имя, дорогое нам.

г. Владимир-Вольянский.

И. ТАРБА

В ранний час

«Широка страна моя...» — я слышу
Позывными радио звенит.
«Широка страна...» — летит всё выше
В утренняя светящийся зенит.

...С добрым утром! —
день рабочий встретит
Наш великий труженик в Кремле,
Что ложится позже всех на свете,
Что встает всех раньше на земле.

Он отодвигает занавеску...
Старый парк кремлёвский за окном.
Голуби прочерчивают резко
Развороты в небе голубом.

Перед ним раскинулись столицы,
В ранний час едва освещена...
Кажется, что первый свет струится,
Льётся в мир из этого окна.

В этой тихой комнате рождённый,
В голубой рассветной тишине,
Льётся свет и будит миллионы,
И встают они — волна к волне!

В них такой могучий дух проснулся,
Что таперь им буря не страшна...
Оттого, что их уже коснулся
Чистый свет из этого окна.

И летят над миром позывные,
Словно шевелит исполнинских крыл,
И рассвет Кремля, Москва, России
Все края и земли озарил.

Перевод с абхазского

Реваз МАРТИАНИ

Гори

Слышал ли ты, о чём всегда поёт
Над Гори ветер голосом свирели!
— Я здесь хочу замедлить свой полёт,
Притронуться к священной колыбели.

Слышал ли ты, о чём шумит волна
Седой Куры, бегущей мимо Гори?
— Я здесь свой бег остановить должен
И поклониться городу в предгорье.

Слышал ли ты, что говорит звезда,
С небес горьких озаряя землю?
— Над этим домом я кружусь всегда
И нежным светом колыбель объёмлю.

Слышал ли ты торжественную речь
Твердыни, что воздвигнута над Гори?
— Я этот край всегда хочу беречь,
Служить ему защитой в ратном поприще.

Слышал ли ты, что молвит человек,
Привнеда в этот город издалече?
— Да будет Гори славиться вовек —
Очаг бессмертья жизни человеческой!

Перевод с грузинского
А. МЕКИРОВО

Город Гори. Вид на крепость со стороны реки Лиахи.

Рисунки Д. Берендгофа

Дом-музей в Гори. Комната, где жил в детстве И. В. Сталин.

В. РЕВУНОВ

ЗА РЕКОЙ ДАЛЕКОЙ

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Сосном недавно здесь темна дикий лес. Поезда, озаряя стволы осеи, проносились мимо этих лесов к дальним городам и станциям.

Но вот через чащину пробилась сюда дорога. Стал на вырубке полустанок, и с той поры каждый раз по ночам на одну минуту задерживался тут пассажирский поезд.

На этом полустанке и сошел Алексей Шабаев, молодой садовод, которому где-то здесь предстояло жить и работать.

Неравномерный, всё ускоряющийся стук колес поезда слаялся с шумом леса. Прощально мигнула где-то за поворотом рубино-вый огонёк и пропал. Густая ненастная осенняя мгла будто задымилась перед глазами Алексея.

Он стоя на полотне, держа в одной руке чемодан, в другой —

ящик, обёрнутый шерстяным одеялом...

В темноте блеснула огонь. Он осветил изгородь с раскрытой калиткой и пути.

Алексей выбрался на дорожку и увидел полустанок. Окна его едва-едва мерцали в морозившей сырости. На вырубке темнели контуры грузовых машин, лежали катки кабеля и какие-то ящики. Далеко-далеко, видно, на проезжающей платформе, полыхала куда-то фонарь.

Алексей поднялся на крыльцо, вытер ноги о половичок и толкнул дверь. Нестерпимо ярко ударил свет. Глаза залило блеском, и Алексей невольно прищурился.

В комнате было неуютно. Два парня за столом играли в шашки. Подле них на подоконнике сидел мужчина с развёрнутой газетой. У печурки — старик. Он знал своё дело: подкапывал в огонь дрова, какие поспеде да посмоластее.

— Добрый вечер, — негромко произнёс Алексей.

Парни так были заняты игрой, что как будто и не слышали его. Мужичина же и старик внимательно оглядели Алексея. Поднятый воротник его пальто и низкое надвинутый козырёк кепки скрывали лицо. Видны были лишь скулы да глаза, тёмные и задумчивые.

Алексей поставил чемодан, положила на лавку ящик и сел возле него.

— Сереброво... Сереброво... — донёсся из-за стены голос дежурного.

Один из играющих выскочил из-за стола и скрылся за дверью. — Скажи, что ГЭС на реке ставим и горячее нам позарез нужно. Пусть не задерживает чистерный, дьявол его возьми! — крикнул другой.

— Сереброво... Сереброво...

Раскрылась дверь. На пороге показалась девушка. На ней была

бекеша, отороченная мерлушкой; белый полушляк, свободно наброшенный на голову, не скрывая её красивого лица. За отворотом бекеши бужет голубых и красных цветов с веточкой рябины.

Взглянув на Алексея глазами, девушка как-то, сжав коленками озябшие руки.

Мужичина сложила газету и спросила:

— Что, опять нет?

— А чего ему спешить! Не домой едет.

— Как же, обьяни быть в срок. Это строго.

— Строго, а вот нет.

Девушка достала из кармана бекеши тетрадь и, раскрыв её, склонилась над ней.

— Эх, поспай-ка ты лучше домой!

— Да куда же по такой дороге? Дождина зарядил, проклятый.

Развезло всё.

Алексей подошёл к старичку, решил узнать, нет ли понуточков.

— Натаня, слышишь: вот человек Шелганово спрашивает.

Она поднялась.

— А вам кого там?

— В колхоз надо... Садовод я.

— Садовод? А чего же молчите? Вас ведь и жду.

Алексей сиза перед Натаней кепку. С открытой головой он

както-то весь посветлел, стал приметнее и выше.

— Простите, чуть задержался.

— Не чуть, а на целые сутки. С ума сойти — столько дождаться!

— Дай-ка ему жизни, как мой Ванюша-лётчик скажет! — подзадорила Натаня старик.

— Садитесь... Теперь будем погоды ждать, — холодно сказала она.

— Да нет, сидеть я не намерен.

— Ну, а ехать нельзя.

Она опять усадила на лавку. Но тетрадь убрала и замотала понушляк.

— Вам что, твёрдо решили или всё-таки надумаете ехать?

— Вот узнаю, идут ли машины, тогда и решу. А пока подождём.

Алексей мрачно надвинула кепку. Подошёл к ящику, обёрнутому одеялом. Положила его на плечо.

— Немодан и останай. Подвезёт потом.

— Что, пешком думаете?

— Да... Только скажите: как мне пройти?

— Вот так бы вы в Москве спешили.

— Воитесь, вывалюсь?
— Конечно, везла садовода и вдруг потеряла дорогой. За стеклом дверцы, как пуцанный из пращи факел, летел огонь.

— Что это? — спросил Алексей.
— Асепромхоз.
Огонь всё реже и реже высикаивал из-за стволдов. Потом оставался. И вдруг полетел назад, как будто испуганный, что зашлутает один в этом дремучем лесу.

— Сколько же ехать? — спросила Алексей.
— Столько, сколько вам пеншом, дай бог, к другой ночи придти... Пятьдесят километров.
— Пятьдесят?. Это когда же, часа в два, не раньше на месте будем?

— По такой дороге утром придем — скажете спасибо.
— Долго.
— Ничего, потерпите.
Алексей с минуту молчал галдела за стекло. Потом сказал:
— А я смотрю: не такая уж пахлая дорога, как вы говорите. Вполне можно прибавить скорость.

— Что, прикажете машину разбить?
— Ничего с ней...
Алексей не договорил: машину так трянуло, что он лезгину зубами. Наташа заеменялась.
— Вы уж лучше молчите. А то зубы-то у вас вон какие! так и отсекут язык.

— Вам смешно. А у меня лимонь, понимаете?
— Товарищ садовод, дорогой, ну разве я виновата, что такая распутица! Сама домой спешу. Работу надо в инстинут отскать. Срок истекает. Уж председатели уважили: вас просна встретить. Бросала всё, летела, как полуокая. Думала, скоро вернусь, а вы вон сколько ждать заставили.

Наташа вытатила из-за отворота бекеши букет. Протинула его Алексею.
— Возьмите. Забыла совсем. С букетом просна вас встретить.
— Спасибо, — сказала Алексей, несмело взяв букет.
Цветы, нагретые под бекешей, нежно-нежно обдали теплом лицо Алексея. Улыбнувшись, он притронулся к рябиновой ветке и заебоялся ею. Близкие, глянцевитые грозды багряных ягод, казались, мигая своим пламенем к той родимой рябинке, что стоит где-то красавицей за рекой далёкой...

В глазах Наташи затеплилась радость. Алексей опустил воротник, чтобы видеть Наташу. Она покосилась луживо.
— Оживите?
— Покементу. Здорово продвиг в поэду.

— Ох, а вы и настоящие! Надо было бы пеншом вас пустить, да пожаела.
Алексей кинула на ящик.

— Они задержали. На селекционную станцию за ними ездила. А до этой станции двести километров. Столько заботы с ними! К лашини из поезда бега за своей землей.
— В чём же дело-то? Вот перешлите сейчас. И беспокойства не будет.

— Придётся, если, как вы говорите, не раньше утра на месте будем.
Наташа, издохнув, прибавила скорость.
— Разводите их у нас тутеже?
— А как жить. Мечта у меня. Да такая мечта, что и сказать трудно.

— Спиши в Москве и здесь спешу. У меня саженцы лимона. Ждаль — значик погубить их, торжуж, сказала Алексей.

Наташа проткрыла дверь. Свет ушла на дорогу, распахнувшую колёсами машины и повозок.

— И не раздумывай, — сказала старик. — Человек растение живое ребятё.

— Всё равно в трезище завязем.
— Нашу колонию обожди. Вот погуризм — вместе и тронем, — предложила мужина.

— Когда вы ещё погуризм?.. Пошли, — решительно сказала Наташа.

Они выбрались на задний двор полустанка. Здесь, меж штабелей реёв, стояла машина-полотерка, крытая брезентом.

Наташа завела мотор и, моргая, пропахнула свежим ветром, везела в кабиню. За ней ел Алексей. Стукнула дверца, и тогда по обшине застучал дождь. По стеклу потекли ручьи. На дороге всё сильней и сильней захлпала лужи.
— Всё теперь захлебнулось, — проговорила Наташа и ударила по рычагам.

Под колёса попадала дорога с глубокими бороздами, залитыми грязью. Свет фар, не в силах пробить завесу дожда, рассеивался неподалёку от радиатора в голубое зарево. С боков надвинулся лес.

«Где-то сейчас ребята едут?..» — вспомнила Алексей товарищей-одноклассников.

Машину бросало. С лязгом оседала на ухабах кузов. Мотор работал то ровно, то шевелил вьель, и тогда, вибрируя, дрожаям стёкла, наполняя кабиню особым звуком, от которого было больно в ухах.

Алексей спрятал лицо в воротник и задумался, стараясь представить себе, как он будет жить здесь.

Но увидал он другое: белая дом селекционной станции где-то на берегу моря, сады с маревыми коллечками на цветах и себя, идущего по этому саду к большому солнцу, что ярко брызжет из-за ветвей.

В лесу вешало ораждающее плетиво — стонь. Он, то пропадая среди стволдов, то снова выскакивая, погнался за машиной.

— А едем, оказывается, — сказала Наташа и, повеселев, галинула на Алексея. Он сидел, опустив голову. На колёнях подкакивал ящик.

«Из какой даки едет. Устал, бедный. А я накричала...» — подумала Наташа и потинулась попробовать дверцу: крепко ли заперта она, когда садилась. И вдруг багкобышко увидела заблестившие глаза Алексея.

— Не спите?
— Нет.

Наташа попробовала дверцу.

Алексей примчал. Люб его пересекла морщина: может, не одну только свою жизнь надо было отдать этой мечте.

— Хочу я, чтоб в садах рядом с нашей антоновой лимонки росали и ни выгов, ни крещенских морозов — ничего не боялся, — сказала Алексей.

— И плоды на них будут?

— Лимонки через три года будут. Только надо немного места кустику у окна комнаты, да земляк с ведра, и, конечно, ухой.

— Вы уж не забудьте и мне кустика-то на окно.

— А сердиться больше не будете?

— Я не сержусь. Хорошо, что приехали. А то думала: ещё день потерю... Ой, что теперь буду делать со своей работой?!

— Вы где учитесь?

— Изучаету стовень далёкий от вашего. Вы и не догадаетесь, кем и кому стати.

— Механиком?

— Хотела, но раздумала. Электростанцию свою у нас на реке строит.

— Вот оно что: инженер-электрик?

— Да... Будут специалысты нужны и на станции, и в хозяйствах. На электростанцию, говорят, перейдём.

В свете фар метнулась какая-то тень. Наташа резко затормозила машину... Навстречу бежала человек. Он был в брезентовом плаще. Капюшон надвинут на самые брови.

— Своих друзей? — донёсся голос.

— Кости! — радостно воскликнула Наташа.

Он вскочил на ступеньку кабины, отбросил капюшон с курчавой головой и улыбнулся.

— Ни зги не видать. Вот погодка... Да ты не одна!

— Говори, что надо-то. А то спешу.

Наташа слегка тронула машину.

— Пожди. Дай сестр.

И едва Костя вскочил в кузов, как машина рванулась вперёд, раскинув от колёс лютые пласты воды.

— Инженер. В леспрохозе работает, — сказала Наташа. — Тоже из института. Прошлым летом приехал.

Окошко, что чирело над сиденьем, вспыхнуло: Костя, видимо, закурил.

— Ты мне там бороды не сноси! — крикнула Наташа.

— Какие бороды? — удивился Алексей.

— Для драмкружка везу... Слышишь, Костя?

— А мы тут в лесу званим, — сказала Костя.

Наташа слегка откинула голову.

— Говори громче... Мотор шумит.

— Ладно. Хотел тебе рассказать, как по болоту лез... Вот что сказал директор МТС не жила-человек?

— А зачем он тебе?

— Хочу люток тракторов попросить для на два. Свои в пути. А из Сталинграда телеграмма пришла: с лесом торгуют.

— Не должен длястройки отказать. А там, кто его знает!

— О чём и разговор: закрипела, когда я позвонил. На ремонт, говорят, ставало.

— А ты прямо к парторгу, к Ивану Васильевичу иди.

— Идём... Называй-ка имя, Наташа. Сказывало.

— Сестра из республикй везе с садоводом посажу.

По крыше отлетело сильно залескала дождь. Алексей бросил папосную папосную.

— Вы посмотрите, сколько папосов набросали, — с укоризной замолгла Наташа.

— Добрая вы со мной, вот и забываюсь, — просто, как давнему другу, сказала Алексей.

— Далёко-далёко на дороге, по стволам сосен забрызгала голуубавый свет. Потом показались два огромных спящих глаза — встречная машина. На стёклах зажгались капли. В кабине постветало, и вдруг всё вспыхнуло, как от молнии. Наташа, журирсь, с силой закуригла баракку.

Машини едва размигнулись на дороге и остановились кабинка к кабинке. Присутствали стёкла в дверцах. Шофёр, сняв колбу, кинула Алексеев и Наташе.

— Ну, дождалась?

— Вот везу, — и, дав поглядеть на Алексея, снова загорючила окошко. Как дорога, там?

— Проклятая. Гнать можно до самого Шелганова. Оттуда еду.

— От нас? — изумилась Наташа.

— Да... Саженцы яблонь закулали. Тоже решили сады разводити... А товарища садовода любители там ждуть, человек двенадцать. За советами приехали. Один старикот своим лимонки привёз, на овахх вырастил. Пробоваль чай пить, не хуже как-каждое.

— Слышите? — обратилась Наташа к Алексею.

Он даже приствал.

— И сами видели эти лимонки?

— Говорю: чай пил, ставалос шесть. И сейчас вот от усов лимонки пьюлю.

Же шпирна, сидевшая рядом с шофёром, вздохнула:

— Микша Петрович, ну одемте. На поезд опоздал, а у меня семинар с утра.

— Минутку, Татьяна Николаевна... Очень будем теперь просить товарища садовода к нам для совета, где и как начинать нам свои сады.

Машины тронулись. Яблоньки, лежавшие в кузове, тихо постукивали ветками в стёкла кабинки.

Ихнсьелю, задрести вам на новом месте, — с лаской провожал их, заметила Наташа.

Помолачам. Потом Наташа сказала:

— Вон уж и приглашают за сорок километров для совета, и любители ждуть. Сидеть не дадут. И у нас колхоз-то укрупились, в нём семь прежних колхозов, и у каждого сады. Мотоцикл вам нужен или велосипед, чтоб на попутных-то не маяться.

Машина шла быстро. В невидимую щель, орывався на вистг, свистел ветер. Лес отступил куда-то во тьму. Бозал смыхх колёса понеслась пашири. Началась стоамы. Станкин изолятором на них, отражая свет фар, зажглись, и было похоже, что над машиной пролетали звёзды.

— Ну, вот и большак, — сказала Наташа. Она постукала в стену кабинки. — Костя, тебе пора!

Машина остановилась. Костя вылез из кузова и подошла к дверце проститься с Наташей.

— Станчало дохити!

— Ни пуха тебе, ни пера!

Он шагнула в сторону и сразу же пропал во мгле.

— Вот здесь, пожаудай, лимонкам бы и свежей земли подсыпяти, — сказала Алексей.

— Подсыпяти. Земля хороша. Под сад распахана. До самой реки. Берет там высочий-высочий. Вот будет красиво, когда этот сад зацветёт!

Вдвоек они вышпал на пашину. Земля что-то пенчала под дождём, который ливал на не мог напоить её. Пласты были лишь слегка влажные: как сквозь сито, падали в глубину мерзлым капель на зальве будущего саду.

— А посмотреть можно ваши лимонки? — попросила Наташа, когда Алексей, поставив ящики на пашину, раскрыл его.

Они присели, загородившись от ветра. Алексей зажёл спичку и поствелся. В ящике, пересыпанные землёй и мхом, лежали саженцы. Они были ещё крохотные, с карликов. Глянцевитые зелёными листками их припоегам и светла пахли. Был это нездешний аромат лимонки.

— Живые, — пропентала Наташа.

Алексей глядел на неё. Лицо озярла неяркий свет, и чудилась, как будто вот только сейчас, в ночи, родилась красота этой девушки.

— А в ящике гудел ветер, рвущийся с земного раздолья, на котором низвет где разбросались тысячи дорог, и на одной из них, у кромок паши, сидели двое. Горел между ними укрытый в рукаках трепетный, живой огонёк.

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ УЧЕБНАЯ МАСТЕРСКАЯ 50-й ШКОЛЫ ФОНО

— Здравствуйте, ребята! — отзывается на приветствие первокурсников пожилой человек в синем халате. — Сегодня мы займемся изготовлением аффидита для классных календарей. Берите ножницы, клей, кисти.

Урок политехнического обучения в московской средней школе № 50 начался.

Часом позже сюда придут второклассники, которые станут к перелетным стенам. Петляклассники займутся токарным делом — им нужно выточить костяшки для счетов первогодков. Ребята седьмых и десятых классов, занявшись электротур и электроникой, продолжат работу по изготовлению измерительных приборов для кабинетов физики и химии.

Пройдите по всем этажам школы, загляните в любой класс или кабинет — всё, что вы увидите из ингадных носов, сделано руками самих учащихся.

Урок труда в политехнической мастерской бывает всего лишь раз в неделю, и его с нетерпением ожидают большие и маленькие школьники. В светлой напольной комнате, где рядышком стоят различные станки, где на плите в большом ведре варится столярный клей, можно делать всё, что делают на производстве взрослые люди.

Научить ребят пользоваться основными средствами и орудиями труда — это одна из задач политехнического обучения в школе. Советский гражданин, пользуясь неограниченной свободой выбора самых различных профессий, должен иметь и возможность вернуться к этому выбору в детстве.

Ребята 50-й школы не просто учатся ремёслам. На каком бы ступе они ни работали, каким бы материалом ни пользовались, что бы они ни делали, они повторяют в труде то, что им уже известно по школьной программе. Это и принцип обращения с электрической энергией, и практическое знакомство с качеством того или иного материала, это, наконец, сформированный навык работы с несовершенным прибором, о котором автор рассказывала преподавательница физики.

Руководитель мастерской Сергей Николаевич Постельников и директор школы Фёдор Гаврилович Шабанов полны новых творческих замыслов. Им хочется организовать опытный земельный участок, где школьники могли бы проявить себя на практических занятиях по биологии.

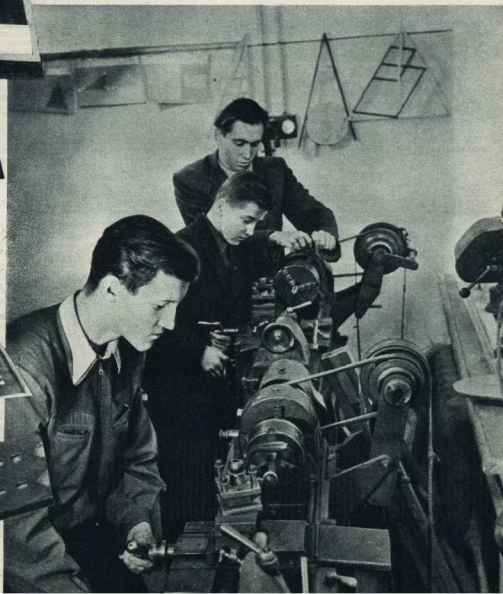
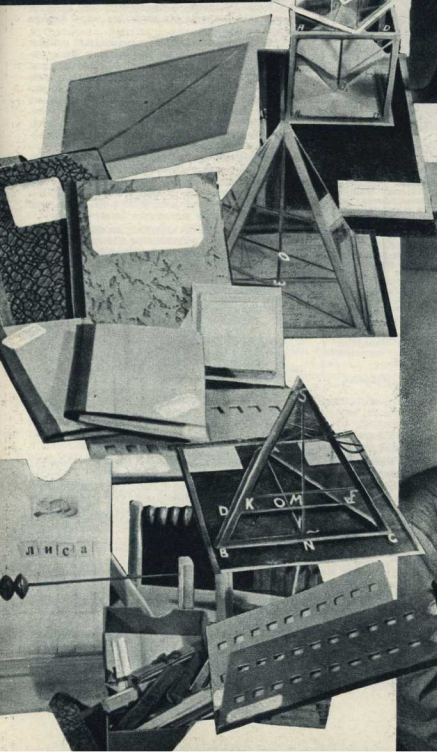
— Интересная психология у ребят, — говорит Сергей Николаевич. — Они больше начинают любить тот предмет, по которому им придётся выполнять какое-то задание. Да и запомняется он тогда легче, а главное, на всю жизнь. Зачастую на уроке труда под пальцы электрических или под весёлый смех стругач ходит между стенками, часто склоняясь к молодым мастерам, худощавый человек с добрым морщинистым лицом. Это профессор Академии педа-

гогических наук И. Г. Розанов. Труд и наука в нашу сталинскую эпоху неразделимы.

Товарищ Сталин указывает, что необходимо «добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточно для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития», чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии». Трудовое воспитание учащихся в 50-й школе — первые шаги по выполнению этого указания.

Фото Я. Халипа

«СЕНТЕНЦИИ»

...12 июля 1826 года во всех частях столицы раздалась барабанный дробь и наряд от каждого гвардейского полка двинулся к Петропавловской крепости.

Восемью было слышно предписанию присутствовать при церемонии «исполнения сентенции» над членами Тайного общества, осужденными на каторжные работы навсегда и на различные сроки. После выполнения этой церемонии те же солдаты должны были оценить пощадулку, на которой стояла виселица.

По соволенову пара палачам, привезенным из Финляндии, предстояло встать на ней пятёркой, поставившие «одно висельное разрядное».

Обряд для первой церемонии — «исполнение сентенции» — и второй — «смертная казнь через повешение» — Николай измыслил сам, о чём и написал начальнику штаба барону Дибичу, собственноручную записку с добавлением:

«Я хочу, чтобы казнь произошла около пяти часов утра, дабы они успели выслушать раннюю обедню».

Первые лучи зыбкого солнца ещё не разогнали предутренний ноябрьский туман над крепостью с высоким шпалем.

Призрачными казались лица узников, выходящих стражей из камер. Их вела через восток, отделанный Алексеевский развалом от крепости.

Другая, шерстяная встретились после полугодичного заточения в тёмных и сырых одноклач, не сразу узнавали друг друга. Дологовский Кожельбекер, от худобы казавшийся почти админом, прижал к себе блузничку глазами к неясным в сумраке фигурам, вдруг узнал Александра Бестужева и тотчас с восторгом кинулся его обнимать.

Бестужев-Маралинский был в полной парной форме. В ней он явился во дворец, когда пришла уже немая зима.

Кожельбекера как звали зимой в Варшаве, так и продолжали до июля без какой-либо смены одежды. Сейчас его долговязая фигура в равном меховом полушубке, в стогнанных валенках рядом с Бестужевым-Маралинским казалась нестройной.

Узники не успев перекинуться и словом, как их окружала стража и повела на площадь к собору — месту окончательного сбора всех осуждённых.

Александр Бестужев приставляло оглядывала площадь. Здесь в прошлом столба при гауптвахте деревянная ограда и был выкопан столб с цепью. Вокруг столба земля утыкана была острыми спицами. Провинившихся солдат либо сажали на лошадь либо вставляли столбы на спицы. Ограда на этой площадке надого сохранилась, название «насывая».

Бестужев с Рылевым хотели написать для солдат «вселяющую» песенку про эту площадь. Так и не собрались тогда с Кондратьем... Но где же он? Что с ним сделал?

Тоска охватывала Бестужева всё сильнее, но mere того как стража приволила сюда, на место сбора, новых и новых заключённых из прочих куртин крепости. А Рылевым всё не было...

Узников оказалось гораздо больше, чем каждый мог предположить. Многие лица были и вовсе неизвестными Бестужеву. Встреча с другими оказалась полной неосведомлённостью.

Избегая бдительных стражей, они осторожно продвигались друг к другу.

Михаила Бестужев, черноволосый, всё ещё румяный, не сводил восхищённых глаз с брата, говорил ему тихо:

— Надо полагать, Саша, ты не попадаешь, как мы, в тайгу. Будешь рядовым на Кавказе, и хоть спалит тебя тамошнее солнце, да талант твой спасёт! Ты должен ещё много сделать, Саша...

— Едва ли успею, — ответил мрачно брат, — уж царь позаботится, чтобы вышло со мной по пословице: «Хриг рёдняк из салпётра». Одна из прошлых створки с тобой и братом вместе и была... Однако сейчас не моя судьба меня занимает. Всё отступило перед ужасной мыслью: то же судят Рылевым, Пестелем, Муравьёвым и тех двух?

— Мне угрошения совести не дают покоя, — сказал Михаил, — одна мысль, что за несколько дней до востания жизнь царя была в моих руках!

— Как так? — удивился Александр. — Ведь мы накануне четырнадцатого всей семьёй были у мамёнки... в последний раз в жизни... — добавил он про себя, — а ты ничего не рассказывал.

— Не до того было. Сейчас расскажу. Перед арестом и был дежурным во дворец, охранял покаяние замерзшего перунатного Николая. Ему уже доносили о заговоре, и он приказал, чтобы дежурный офицер сам произвёл смену часовых у его дверей. Коридор тёмный, без света — тусклая лампа в самом конце. Один сойти с круглого митка, а другой войти.

Взглянув на друга перекрестками, куржи как-то звякнул! Сам так и выскок из негодной. Испуга скрыть не может, от страха язык заплетается: «Кто это... куржком щёлкнул?» — Однако узнал меня: «Бестужев, будь на чеку!» Тут я подумал: он вояк не простит, что я его трусом выдал. И впрямь, на первом же моём допросе выбежал злой, кричит Чернышёву: «Видишь, как молод, а уже совершенный злодей! Без него такой хаши не завялилось бы. Но, всего лучше, — именно этот меня караулил и самый казнил бунт!» Сквозил каючок бумаги и написал про меня комманданту: «В железа».

Александр схватил руку брата и с муклой в го- лосе сказал:

— Ищи Рылевым, и блузничку... Он должен, должен быть здесь. Не хочу, не могу верить ужасным слухам.

— И правильно, — твёрдо вымолила доселе молчаливая Якушкин, — священник Мыслевский меня как-то недавно уверил — не верь даже собственным ушам, есмь о смертном приговоре ушальшим. Ведь нам, вероятно, разряд, тоже посулили спервоначалу отсечение головы, однако произвели замену...

Якушкин помочала. Штатские рассуждением укрепить собственные, допущенные от сомнений мысли, добавила:

— Возможно, что эти негодни проглотят моральную пятку потер до самой виселицы, но казнь — нет, не будет...

Туман разошёлся, словно его и не было, и с беспощадной отчётливостью обозначились изумрудины лица узников.

Никита Муравьёв держал за руку своего двоюродного брата Алунина и с нескрываемым восхищением смотрел в его замечательное лицо, поразившее благообразием, отвагой и железной волей.

— Такое, дорогой, служу пущены, — сказал, вонзая глаза, Никита, — будто сам Константин убеждал тебя уехать за границу. Известно его особая к тебе склонность, да и страх, верно, был у него за собственную шкуру. Не горюшала ведь он с отречением.

Уже не выказ из каких-то побуждений, но бесцеренит действительно настаивал на моём поlobe, — сказал Алунин, — сам принёс мне государственя паспорт и дружески прохрипел: «Выбирай поблору-позлору. Братен мой так испускает в российскую корону, что всем полагается — каранти».

— Ты отказался от паспорта? — спросил Никита.

Алунин вымолила с обычной для него прямотой:

— Разделяю убеждения арестованных моих друзей, и считала справедливым разделять и их участь. Паспорта я не взял, но испросил отпуск на три дня, под честное слово, что к сроку вернусь... Ну и попросился Вернуул, как обещала, минула в минуту. Константина даже говорила: «Спать, говорит, в одной комнате с ним опасно: зарежет, — а слово его верить можно».

— Узнаю тебя, — сказал Муравьёв. — Только бы нам быть неразлучно, где ни придётся...

— Царь уж найдёт, куда нас затряпать, — отозвался Алунин. — Идём! Век Романовых! Этот, окскавшийся, смилый лютый. Константин, хоть звероват, да отголочив, а у Николая глаза мелуды и любит, что перед ним каменила, а то в порошок сотрёт. Но куда-б о нас и не затина, есмь с тобой вместе, Никита, мне бы истинное счастье. Ты один владешь мудрости, целая академия! Кстажи, что ты ответил на идиотский вопрос следственной комиссии: «Тво получава образованные волякны маселы? Я на от вопрос написала им: «Свободный образ мыслей сложился во мне с тех пор, как я начала мыслить».

Работая над книгой об эпохе декабристов, и прежде всего думала о вышедшей молодёжи... Советская молодёжь наследует революционную мысль, созданную в многолетней борьбе с угнетателями... — гениальное учение Ленина и Сталина о коммунизме. Но наша молодёжь должна постоянно помнить, что революционная идея возникла нараву. Она имеет свою долгую историю и своих героев высшего самоотвержения. В России движение декабристов — одно из первых промариельных борьбы за уничтожение феодально-крепостнического ита. Вот об этих русских носителях революционной мысли, авинчатых революционного движения в России, об этих первичных свободах и будет рассказываться в первой и второй частях моей книги, охватывающей 1818—1826 годы. «Сентенции» — отрывок из второй части моей книги «Первые свободы» — впервые публикуется на страницах журнала «Смена».

Ольга Форш

Никита улыбнулся:

— Иными словами, свободолюбие и мышление между собой неразлучны для всякого, у кого не дуры головы! А я придумал взбесить самодержца, сказав ему с наивным видом, что виновник моих либеральных идей не кто иной, как покойный Александр с его выступлением в Варшаве и посулами конституций.

— Рассказан волеюудства, выходит, сам царь. Ну и ловко!

Подошёл старый приятель Никиты — Якушкин, крепко стиснул руки ему и Луиницу.

— Вот уж не думал вас увидеть, Михаил Сергеевич, радовался, что хоть вы с Тургеневым спаслись от кутей самодержца.

— Тургеневу, конечно, глупо было бы возражаться, раз уж он живёт за границей. А мне от сей опасности удрать не к лицу. И на охоте не слоховала перед ветром.

— А ты что надерзла на допросе? — спросил Никита Якушкина. — Мне сторожа доложили по секрету, что по царской записке приказано коменданту содержать тебя как «самого злодейского злодея».

— Ничего я не дерзла, — сказала с усмешкой Якушкин. — Допрашивали меня в Эрмитаже, в огромном зале, где портрет папы Климента. В углу обмерный стол, за ним в параде генерал Левашов, старший измайловский, «подходящий, что ужила нас ещё манеже». Вежливо пригласил сесть, просил назвать имена. «Ещё кто из товарищей присутствовал, когда вы в восемнадцатом году самолично вызвали нанести удар? — Покрутила усы, добавила: — На то есть у нас пытка. Заставим назвать». «Тем более», — говорю, — не заставите». Вывели в другой зал, где «Блаудный сын» Сальватора Розы, век его не забуду. Ну и мечтала я, взирая на чудесную добрую корову, что на переднем плане: «Спрятать б за её тушей и в лес!» Угроза пытки меня, признаюсь, устрашала. Однако называя живую перед лицом царёво, пылающее каким-то ледяным гневом, я, не смутясь, повторяла то же самое и даже не опустила очей под его оловянным взором. Это, верно, и взбесило царя. Он затопал ногами и закричал: «В железной клетке! И чтобы не вылезали!»

— У честь наша, хоть и плачевна, но всё же ясна, — сказал Луиница. — А вот что ждёт дорогих наших товарищей Пестеля и Рыбаева!..

Он вдруг вздрогнул, стремительно кинулся к стенам, которые в эту минуту превели на плащаницы самую последнюю партию арестантов. Среди них оказался Николай Иванович Лорер. У него было такое бледное, гневом и болью искажённое лицо, что Луиница резко спросил:

— Что ещё случилось?

Лорер безмолвно указал на гласис крепости.

Два здоровых злодеи в красных рубашках стояли на помосте у прытков в землю столбов. Вверху этих столбов была перекладина, и с неё спускались пять толстых верёвок. Молодцы, словно баулялы, повисли вдруг на верёвках, быстро крутились.

— Прочность верёвок пробуют... — оценил вымоловца Лорер. — Из Финляндии палачей привезли, у нас подхалимцы не нашлось. Мой сторож всё знает.

— Палачи рожены! — тиснил, возмолжил Якушкин.

— Р-ранились! — скомондывала палец-майор и слезла знак сторожам палачей окружить узников. Их повели дальше — на аул, где против крепостного вала шеренгой стоял войска.

Направо, в самом конце Троицкого моста, бужовала, стремясь прокинуть ближе к крепости, толпа народа, которой претраждала путь кордон солдат.

Судя по той толпе большого скопления людей при церемонии «исполнения сентенции», а особенно при свершении смертной казни, что приказал распустить слух, будто всё это производится на Волковом поле. Туда и двинулись оббитые ужасом люди. А здесь обралась лишь немногие, близко живущие, приметливые взглядами устроившие необычное оживление в размеренном крепостном кругу.

На аулу, окружённом войсками, солдаты разложив большие костры и несолоно поддерживали высокое пламя.

И странно было осужденным думать, что совсем рядом, за высокой крепостной стеной, течёт Нева, что на другом её берегу стоят великолепные дворцы, где приключилось им часто бывать на балетных балах, а чуть подалее, на Фонтанке, в особняке братьев Тургеневых, — собираться по делам Тайного общества. Какой короткой оказалась дорога из дворцов в эту крепость!

Войска стояли, как полагаются, окаменелые, зажав в руках ружья. За ними надвигалось начальство. Прозно хмуры тупые брови, стараясь придать важности своему незначительному лицу, были обильно обвешаны орденами генерал-губернатор Голендице-Кузовов.

Солдаты подтягивались, как глазыми начальство, но, когда генерал отъезжал, переводил взором на забегу толпу узников в блестящих мундирах, чёрных фраках, халатах — и лица их становились суровы и печальны. Многие из осуждённых офицеров

были им знакомы, зыные горячо любимы, как добрые начальники, осознание их от порки, стонящие грудью за солдатские интересы.

«Почему они против нас с ружьями, когда в глазах у них сочувствие к нам? Кто винов тому?», — горько думал Александр Бестужев. — Я ведь только и сумел, что привести москочев на Сенатскую площадь, а там держался в бездействии, когда они рвали в бой. Не нашлось общего языка. Может быть, нам нечего было их обманывать Константином, а следовало объяснить им всё то, что знали мы сами? Они понимали б, как вот сейчас понимаю, кто прав?»

Он заласал краской, вспомнил, как в парадном мундире, в белых лоснах выхватываю свою саблю и став точить её о камень пестелаца петрова. «Да, мы виной, только мы», — говорил он себе, — не долзел мы до полного доверия и братства к мужику и солдат. И вот... хоть паучу, а коли приказано, и стрелит и вензет нас будут».

— Кувал отнеожанников, — иронически указал Никита Муравьёв Луиницу на костры. — И сколь картинно ты освещё! Памя ближнего костра юно оварло высокую, статуя фигуру Луиница в гусарском одениии и в торешных шлёмныхц вместо лакированных сапог.

Луиница глянула на свои ноги и улыбнулась: — Сапоги украин, и виновного палец-майору не сыскать. А костры эти должны быть для высшего нашего позора: ведь раньше чем превратиться нам в вечных каторжников, необходимо, до царского убеждения, нас шельмовать — сиречь над головою каждого ломать шпагу и бросать обломки в огонь. Этакое среднесельское развлечение.

И, дав слово сдержанному гневу, вымоловца в бешенстве: — Когда мерзки все эти комедии! Суд, следствие, казни! Я найду слова, что рассказать об этом потопкам! Для этого стоит сохранить свою жизнь и в каторге. Я и оттуда найду способ проиндуть наше дело! Я крикну всему миру о том, что мы шли на гибель, только лишь свободы нашему народу. Каковы, что мы, как авантюристы, как оперные злодеи, только и замышляли, что губить души. К чёрту её! Она нам мешала, как бровью на пути. Соброем имуществом — и всё... Но надлежит восстановить истинную цель, истинный смысл нашего великого дела. Я раскрою всему миру, как, укрывшись подальше

исполнительными, их действиями дирижировал подлейший из всех — Николай!

Горбачевский, услышав гневную речь Лунина, подошёл, сказала ему на ухо:

— Мерзость нашего самодержавия так велика, что России её не выдержать! Утекут в Сибирь нас — восстанут другие. Слушайте, Лунин, я сейчас из окна моего каземата увидела такое, чего вовек не забыть, что вопиёт о мщении.

Блеск обросшей волосами, освещённый пламенем костра, он был страшен.

— Вы из самой последней партии? — спросил Лунин.

— Да, всех уведи сюда, а я ещё сижу у себя на Кронверке. Было уже часа два ночи. Слышу, под окнами бранятся казнда-лов. Выхожу на окошко, галяку, каре павловских гренадер ведёт патерых. У Бестужева-Рюмина запуталась цепь. Он дальше ни шагнул... Унтер стал распухывать, поправлять... Вошёл сторож — мы с ним приятели. «Куда их?» — спрашивал. «В перекон, на запуюбойную: царь ещё живых отпечь приказал». У сторожа в глазах утас... А Россия? Лунин, неужели Россия забудет этих патерых?

— Они соль земан. Их гибель — победа грядущих, — торжественно произнёс Лунин. — А причина нашей политической смерти станет условием гражданской жизни поколений. — Лу-нин оборвал речь, взобрался на кочку, чтобы ещё раз перебрать зоркими глазами знакомые и незнакомые лица. Он всё ещё надеялся заметить в толпе, словно ослепнув из чужого, крепкую фигуру Пестеля, или худощавого, с огромными глазами Рм-лева, или профиль рыжего дворянина Бестужева-Рюмина.

Последний этап церемонии исполнения сентенции — наступил. Осуждённых разделили на две группы. Гвардейцев построили в небольшие каре. Прочих отвели в армейские части. Мориков посадили на паровоз и увезли в Кроунштадт. Исполнение над ними приговора должно было свершиться на адмиральском ко-рабле.

— И тут табель о рингах, — сказала старший Борисов, оказав-шийся рядом с Горбачевским. Он поднял своё смуглое пылаю-щее лицо, блеснув алмазными глазами: — И в самом позоре гвардейцам больше почёта, чем нам!

К каждой группе приближались чиновники с грамотой, стал, как дымок, читать циркуляр, разъясняющий смысл предстоящей государственной преступникам политической казни. Никто это-го чиновника не слушал.

Осуждённых офицеров выстроили перед их ротами. Фурарей-ты по команде подняли шпаги. Шпагу надлежало соломат в знак позора над обманной головой осуждённого и бросить обломки в костёр. Для удавства, чтобы шпаги ломались сразу, их заранее подбивали.

Церемония началась с Якушкина. Она казалась ему нестер-пимо глумой. И когда фурарей, плохо подбивавший шпагу, уда-рил его по голове, он рассердился не на шпагу:

— Этак и убить недолго, чёрт возьми!

Голенищев-Кутузов гарцева перед строем, делая знаки, чтобы с арестованными лично срыгали мундир и ордена и бросали их в пламя.

Царь и его прикрасы полагали, что истребление мундиров осуждённых на казнь работы будут переживать как нестер-пимый позор, а костры, позорявшие бывшие знамена отлучен и пощёты, явятся для них как бы женой аласторной того, что все их права, мечты и надежды навсегда превращены в пепел.

Николай ждал, что «исполнение сентенции» станет картиной моральных потрясений, раскаяний, что осуждённые будут ры-дять, бить себе, плакать в обморок, поражённые стыдом. Он дал распоряжение в час лишения офицеров воинской чести прису-ствовать на этом месте походному лазарету. Цирральник и врач стояли, однако, в бездействии.

Но «государственные преступники» выражали только намеш-ливое презрение к произвольной над ними церемонии. В их спокойной осанке было столько достоинства, что невольно поту-пями взоры командующие эскадрией офицеры, куда-то збок отъехали на своих конях генералам.

По снятию мундиров осуждённых облачали в полатые тю-ренные халаты.

Халаты раздавали наспех, многим они оказались не по росту, у одних доставали едва до колен, у других волочились по земле, одному было тесно, другому широко...

— Друзья, — сказала Лунин, — народ, как видите, и близко к нам не допустит. — Он указал на значительно выросшую теперь толпу в конце деревянного Гринского моста. Люди махали рука-ми, протесали снятыми шапками.

— Спасибо народу, — сказала Горбачевский, — он с нами. Душой чует своих заступников.

Лунин сдвинул знак рукой, его обступили со всех сторон.

— Собач, — сказала он, — нас в этих полатых халатах, как шуттов гороховых, проведут для грама мимо чванного сброда из иностранных посольств, милоево допущенного полагает на наше предполагаемое царём отчаяние. Пройдёмте же мимо них поступью древних героев, идущих за лаврами в Капи-толль!

И когда стража веда узников обратно в казематы мимо кучки высокопоставленных иностранцев, те с жадным любопытством приставили лорнеты к глазам.

«Государственные преступники» во главе с Луниным шли с величественной осанкой, спокойно, веда между собой дружеский весёлый разговор...

Иностранные дипломаты, как и Николай, ждали от них выра-жений горести и упадка духа и были несказанно поражены видо-м независимой, гордой толпы в тюренных одеждах.

«Что это за люди? Ведь только что они анишались всего, чем так дорожат в мире, — положение, имущество, карьеры, свобод-ной жизни в круту семье...» — писал в своё государство один из дипломатов.

На Красной площади.
Александр А. Ромодановский

В ро́дичь школе.

Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

ЧЕЛОВЕК МИРНОГО ТРУДА

Над корпусами завода, отражаясь в стёклах, горел холодноватый ветреный закат. По временам дым срывающийся по путям паровоза заставлял его, и тогда гас- красный отсвет на лицах тысяч людей, собравшихся на митинг.

— Мы пришли сюда из цехов, потому что нам думать о мире, нам его защищать.

Лица собравшихся обращены к трибуне. Там девушка в тележке, в сером шерстяном платке. У неё такое же, как у всех здесь, тёмное от машинного масла руки. Человек мирного труда, комсомолка Катя Романова вышла сейчас на трибуну, потому что знает: дело мира — это общее дело.

Нам, рабочим людям, поверят за любыми ружьями. Простой народ стран мира всем сердцем с нами. Мы должны сказать нашим друзьям: люди, не ждите, подымайтесь на защиту мира!

Десять лет было Кате, когда война привинулась к их селу. Никогда не забыть, как сукки шли мимо дома бойца, серые от пыли, странно усталые люди, а мать всё выбегала на дорогу, тревожными, жалкими глазами засматривала лица в них — не реншалась без хозяина, поставила родное подворье. Кто-то из бойцов, потрогав приходящий к голове бинт, сказал ей:

— Эжай, мать, как-либо. Фронт вон какой, через всю Россию — от холодного до Чёрного моря — порты закрыты. Не всякому через свою деревню путь лежит: война...

Собрались в ночь. На рассвете далеко позади осталось село, мокрый от дождя лесок, куда Катя ходила с поругами по грибы. Скоро и весь Смоленщина скрылся из глаз.

Зиму они встретили за Уралом, в занесённом до крыши снегами селе Морайке. Здесь и разсыкало их письмо, в котором тише Романов, побой смертью хрибрых в бокх за советскую Родину.

В том же 1942 году умерла мать.

Катю взяли в детский дом. Обычным в те годы было, когда советские люди принимали в семью детей, у которых война отняла родителей. Так поступила и председатель сельского совета Нина Ивановна Верходанова. Она сделала всё, чтобы девочке не пришлось узнать горького от сёла слова «сиротство».

Катя прожила у неё два года. Вечерами, когда выдался свободный час, Нина Ивановна говорила:

— Садись-ко вот да под смекайкой югами не болтай.

Она брала её школьные тетради и начинала промывать. Катя бойко отвечала урок, ждала, когда дойдут до математки. Увидев шифры, Нина Ивановна по привычке тупилась руюк к счётам. Тут Катя радостно вскрикнула:

— Так это ж на бумаге решают, вот как...

— А ты подосеки, подосеки стрелок-то,— говорила Нина Ивановна.— Ты вот бери карандаш да на бумаге пиши, а я по-своему... Нутко, кто скорее?

— Отстав, Катя обижалась.

— Конечно, когда ты на счётах. А ты б, как я, попоробовай!

Вот так же и в последний раз сидели они за столом. Катя уезжала в Челябинск, в ремесленное училище. Вещи собирала, обо всем уже переговорено.

У неё ты спать, спать ложись, завтра вставать рано,— говорит Нина Ивановна.

А Кате вспоминается, как Верходанова приходила на каждое родительское собрание, сидела за школьной парты такая же прямая и строящая, как у себя в сельсовете. Она никогда Катю не хвалила, не баловала, и если Катя спрашивала: «Ну, что там про меня говори-

ли?»,— отвечала тем тоном, какой бывает у очень добрых людей, неумело старающихся казаться строгими:

— Ты вот учись-ко, учись лучше, тогда и говорить будет.

Катя называла её всегда «тетя Нина», а чувство было такое, словно уезжает она от матери.

В сорок девятом году выпускница ремесленного училища Катя Романова пришла на Челябинский тракторный завод.

Катя считалась в училище хорошим токарем, при выпуске её присвоили пятый разряд, и сейчас она шла на завод к хорошо знакомым станкам. Но первые дни принесли больш-

ую огорчение. В конце смены учётник на корешке наряда проставлял её выработку: во-

семьдесят процентов.

Ой ничего не сказал, но лучше б уж простили. Катя вернулась в общежитие растерявшись, притихшая. Девушки забеспокоились.

— У тебя голова, может, болит? — спрашивали они Катю.— Или случилось что?

— Ничего у меня не болит.

Завтра, конечно, старший мастер Василий Трофимович Ляхтин будет стоять за её станком и неодобрительно качать головой. А это они встретили её так, словно Катя не впервые пришла на завод, а вернулась после улёта к себе домой. «А похвалился, похвалился, дочка, чему тебя выучили,— казалась, говорил его затрогаво припухнувший взгляд. Задвывая вопрос и был доволен, когда не удавалось поставить Катю втупик. Потом сам пошёл её к станку:

— Ну, вот, это твоё.

И, словно приходя к новой хозяйке, ласково поглядывал машину ладонью «работать»!

И вот Катя работала...

А когда на следующий день выписывала наряд, неожиданно на корешке против вчерашней своей выработки прочла: «Молодец!»

Буквы были крупнее, почерк решительный.

— Это кто писал? — спросила Катя. — Это кто же мог написать? — вновь повторила она.

— То есть, по-моему, ясно, что Василий Трофимович,— сказал учётник, давая почувство-

вать, что руку Ляхтина, уважаемого на заводе человека, надо бы знать.

А Кате хотелось знать лишь одно: действительно ли верит в неё Василий Трофимович или только обидеть хочет?

Она очень старалась в тот день, но оттого, что всё впервые выдала за собой, дело шло медленно. Потом был срочный заказ. Такой срочный, что Катю уж некогда стало контролировать каждое своё движение, от этого в руках вылилась только уверенность. Когда в первую смену она стояла ещё тёмно, только что выточенную деталь, услышала весёлый голос Василия Трофимовича:

— Я говорил: из неё выйдет хороший токарь! Рядом с ним стояли комсорг цеха и несколько токарей и тоже смеялись в сторону Кати. Она густо покраснела.

Ничего в этот день больше не произошло. Опять учётник проставил выработку: что-то чуть больше восьмидесяти процентов.

Катя вскоре об этом забыла. Но не заболела. Впервые пришледее радостное чувство веры в себя. Она только болела, что завтра это не повторится. Но оно опять явилось, и именно в те минуты, когда Катя забывала наблюдать за собой, тогда и рука, подводящая суппорт, была твёрже, и стружка из-под резца шла веселее, и станок становился умным, послушным. Потом пришёл день, когда Катя наконец почувствовала свою полную власть над станком.

Но даже и много позже, если вдруг не хватало решимости, всегда рядом был Василий Трофимович.

— Романова, иди заточи резец,— говорил он.

Катя уже не раз присматривалась к опытным токарям, самостоятельно заточившим резцы, но попробывать как-то не реншалась. Василий Трофимович говорил так, словно и мысли не допускал, что она ещё не умеет. И Катя шло и действительно заточивала ничуть не хуже других, разве только немного медленнее.

Был Василий Трофимович хорошим учителем — душевным, умным. И так же, как многие прежде его ученики, Катя вышла в число лучших токарей завода.

И когда она стала выполнять норму на двести пятьдесят процентов, она пришла поздравить Василия Трофимовича с этой их общей победой.

— Что поздравлять-то? Не именинник я будто,— говорил он ворчливо, отводя счастливые глаза в сторону.

— Я именинница,— сказала Катя.

— Ой Катя так,— ладно.

И уже весело рассмеялся.

— А ты вот чего,— сказал после,— ты радваться — радуешься, а на подорожке не знаешь. Дальше как думаешь?

Дальше Катя уже твёрдо решила: кончит школу рабочей молодёжи и будет учиться в техникуме.

— Вот — дело,— одобрил Василий Трофимович.

Тогда Катя наконец спросила его то, о чём давно собиралась спросить:

— А почему вы тогда на корешке написали, ну, помните, наверное?

Он повнимал.

— Помогло, значит? А как же! Сам был молодым, знаю. Без веры в себя никакое дело не поддается. Вот и подумал тогда: себе ещё не веришь — мне будешь верить. Поверила ведь? То-то!

— Вот — дело,— одобрил Василий Трофимович.

Тогда Катя наконец спросила его то, о чём давно собиралась спросить:

— А почему вы тогда на корешке написали, ну, помните, наверное?

Он повнимал.

— Помогло, значит? А как же! Сам был молодым, знаю. Без веры в себя никакое дело не поддается. Вот и подумал тогда: себе ещё не веришь — мне будешь верить. Поверила ведь? То-то!

— Вот — дело,— одобрил Василий Трофимович.

Тогда Катя наконец спросила его то, о чём давно собиралась спросить:

— А почему вы тогда на корешке написали, ну, помните, наверное?

Он повнимал.

— Помогло, значит? А как же! Сам был молодым, знаю. Без веры в себя никакое дело не поддается. Вот и подумал тогда: себе ещё не веришь — мне будешь верить. Поверила ведь? То-то!

Екатерина Романова.

Фото А. Фришберга

ком, который уже хорошо знает и ценит твою труд и также сейчас знает и тобой лично.

На Бессоновой конференции сторонники мира к Кате Романовой не раз показывали люди, чьи портреты она часто встречала в газетах, и, пожав руку, говорили слова большой похвалы.

Хорошие вещи тракторы! — говорили они Кате.

Колхозники Кубани, Сибири, степной Заволжья, узнав, что здесь, на конференции, делегат Челябинского тракторного завода, непременно старались найти её в перерыве. И гордились Катю за свой завод, на котором она выросла, за своих товарищей.

По всей стране прошла слава о челябинских тракторах. Делегаты великих строек гордились Катей.

Ну, наши машины у нас каждый знает. Замечательные машины!

А в Буковину, откуда прибыла делегат Мария Микитя, вместе со «Сталининами», тракторы Челябинского завода, пришло новое счастье, прочное счастье колхозной жизни.

Однажды после работы Катя вышла с подругами из цеха. Был обычный трудовой день, кончалась первая и начиналась вторая смена, и, как всегда в этот час, у проходной было людно. Только у бюро пропусков рабочие не расхолазились, о чём-то разговаривали, собрались в тесный кружок. Катя подошла. Посредине толпы стояла девушка лет шестнадцати.

— Ты своей головой-то подумай! — говорил ей пареньк, по старой памяти донашивавший форму ремесленника. Ты ж ничего не умеешь. Вот и иди сначала в ремесленное училище.

Да-а! — танула девочка, — туда ещё когда-то набор?

Пареньк в отчаянии поскрбел лоб: он уже пропустил четыре троллейбуса, и теперь отходить назад не желал. Было, в самом деле, уйти, не объяснив человеку.

— Вот что, — сказал он решительно, — не хочешь ждать нового набора, поступаю в техническую школу при заводе. А так от тебя всё равно пользы мало. Знаешь, кем ты отдашь себя? Тоже кем!

Видно было, что пареньк этот — токарь и свою профессию считает еслу не самой лучшей, то уж, во всяком случае, одной из почетных, какие только придуманы человечеством. Пожилые рабочие заударили, одобрительно закивали головами. Катя пропустила бланк. Девочка была точно такой же, как Катя в тот год, когда она приехала в Челябинск поступать в ремесленное училище. И так же, как тогда перед Катей, перед этой девочкой только открывалась большая дорога в жизнь. Девочка ещё не вошла в цех, но рабочие, будущие её товарищи по труду, уже добродушно взирали на себя заботу о ней.

Ты слушаю, что тебе советуют, — сказала Катя. Тебе добра желаю!

.....

Трудовому человеку знакомо гордое чувство, когда, удачно закончив работу, он в последний раз осматривает созданное собственными руками. Это чувство испытывают кораблестроители, когда со стапелей спускают на воду готовые корабли. Другие люди будут на нём работать; может быть, здесь они впервые узнают и неудачи и радость, которой нет выше, — радость труда.

Вот трактора в долготу трудовую жизнь начинают от заводских ворот. Большой путь в челябинских тракторах. Они шапуг землю в степных колхозах, работают на трельяке леса, в пещках Средней Азии, у волжских берегов. Поток их тех тракторов, что в шестнадцатую годовщину Октябрьской революции прошли по Красной площади, восьмидесятилетних экземплящиков, можно сейчас встретить на строительной канале Дуная — Чёрное море, в горах Албании, у желтых вод реки Хуай-Хэ. И в каждом из этих тракторов есть труд комсомолов Кати Романовой. Это ничего, если китайский или албанский крестьянин не знает Катю в лицо. Он хорошо знает её труд, уважает её, своего товарища по труду. Она помогает ему строить мирную жизнь, и ей он верит. И вместе с ней он будет отстаивать эту мирную жизнь.

ПЕРВЫЕ ШАГ

В жизни вчерашнего студента Николая Емова наступила торжественная минута: он получил диплом инженера.

Вместе с Николаем Емовым Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина в 1952 году закончила большая группа его товарищей. Юноши и девушки, приехавшие сюда в Ленинград со всех концов нашей страны, разлетались по разным местам, и часто случалось так, что назначение совпадало с давнейшей мечтой полтавца именно сюда. Так, выпущенные Ленинградского политехнического института оказались инженерами «Загоронстан», «Азосталь», уральских и казахстанских заводов. Многие из них стали начальниками смен, сменными мастерами, начальниками прокатных станов. А ведь со всем недавно они приседали на эти заводы проходить производственную практику и, находясь у прокатного стана, с удивлением поглядывали на инженера, которые вот уже много лет владеют светлым дипломом.

Николай Емов и девять его

товарищей остались в городе, где они получили высшее образование, Ленинградский сталепрокатный и сплавочный завод имени В. М. Молотова, основанный по последнему слову техники, стал их первой трудовой пристанью.

Девять молодых инженеров на один завод — это отнюдь не мало. Да ещё инженеров с такой, казалось бы, «узкой» специализацией, как исследователи пластической обработки металлов. Однако администрация завода нашла возможность предоставить работу всем девяти в центральной заводской лаборатории. Лаборатория — это штаб проверки работы многих тысяч людей, которые выпускают продукцию для шахт, рудников и великих строек.

С большой теплотой встретили молодых специалистов старый инженер завода кандидат технических наук, лауреат Сталинской премии Константин Петрович Колчин.

— Попадёте в цехи и другие лаборатории завода, — сказал он им. — Отныне и вы становитесь хозяевами этого предприятия. Посмотрите своё хозяйство.

И вот пришёл день, когда каждому из молодых инженеров, пришедших на завод, было поручено самостоятельное задание.

Проведите расчёт нагрузки на 70-миллиметровый стальной канат для грависной дороги через Волгу! — сказал Николаю Емову опытный инженер, руководитель группы старший Борис Михайлович Воронцов.

Первое задание, связанное сстройкой Николая Емова не мог не поделиться своим опытом с остальными товарищами.

— Не торопись! — с умиленной остановкой на мгновение одноклассник Пётр Ковалев. Я работаю над улучшением технологии производства трансформаторной стали, а это, мне кажется, тоже имеет некоторое отношение к великим стройкам... Давайте лучше думать над тем, как бы не ударить лицом в грязь.

— А для этого я предлагаю понаблюдать в цехе, — сказала дружка Каверина Череповича. — Нельзя ограничиваться только одной лабораторией. Инженер — это прежде всего производитель!

И девушка не ограничивалась только лабораторией. Она и большая дружка с мастером термической обработки стали Михаилом Григорьевичем Белым. Ведь зачастую у инженера при больших теоретических знаниях не хватает именно опыта, который приносит только в теории свои поправки.

Но вот закончен рабочий день. Помыли рабочие и инженеры спешат к семьям, к своим интересам, которые, впрочем, динутуются характером человека. Кто-то, например, волнуется одна техническая проблема, которая возникла сегодня в лаборатории, и он спешит в читальную библиотеку — поинтересуется в научных новинках. Кому-то непременно нужно закончить в заводской драмкружке, а кто-то — непременно посетить петровореченских парков.

Так проходит дни молодого инженера — первые трудовые дни обладателя синенькой индустриальной деловатки.

— Эта лаборатория — место вашей будущей работы! — сказал молодым инженерам кандидат технических наук, лауреат Сталинской премии К. П. Колчин.

Фото Н. Ягола

Сцена из спектакля «Девочки-красавицы» в постановке Московского драматического театра имени К. С. Станиславского.

В солнечный день в молодой берёзовой рощице гуляют девушки. Звонят задорные частушки, слышится весёлый смех. А потом, утомлённые прогулкой, опьянённые свежим воздухом, подруги бросаются на траву и, как это часто бывает в тесной девичьей компании, заводят разговор о том, о чём сегодня, в светлую весеннюю пору, трудно не заговорить — о любви. Но постепенно задумчивая беседа переходит на другую тему. И по волнению, по той горячности, с какой девушки обсуждают свою работу, чувствуют: это — для них такое же личное дело.

В споре возникает мысль об участе коллективного стахановского труда, рождается решение сделать весь продукт стахановским.

Трудно в инициаторе этого предложения — боевой Норе Звонной — узнать ту девочку, которая только и думала о том, где бы пригнуться и подремать, а в дружливой и крепкой семье её подруг найти тех разобщённых, не объединённых единой целью, живущих только своими интересами молодых работниц, которых видели мы в начале спектакля «Девочки-красавицы» А. Симукова, поставленного Драматическим театром имени Станиславского.

Перевоспитание человека, пробуждение в нём сознания общественной ценности своего труда, умение заставить его жить делами всего коллектива — вот одна из главных тем пьесы А. Симукова, и, пожалуй, в решении именно этой темы и драматург и театр добились наибольшего успеха.

Девятый пролёт паровозно-механического цеха не вылезает из прорыва. Старый мастер Авдеев причину этого видит в одном: в пролёте работает, как он говорит, «мелочь» — молодые девушки, недавно окончившие ремесленное училище. Однако дело не в молодости и неопытности. Нет у девушек настоящей любви и привязанности к своему делу.

— Да разве кто-нибудь из нас по-настоящему за производство боится? — говорит, обращаясь к Норе, комсорг Оля Коробельни-

Нина ИГНАТЬЕВА

СПЕКТАКЛЬ О РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

«Девочки-красавицы» А. Симукова в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского

кова. — Тебе бы послать да поест, Тамара денег любилые заработай, Клавне на танцплощадке отличиться, Вере на кухне соседям косточки перемять, у Машки техникум в голове...

Привлечь любовь к собственному труду, заставить девчат опустить свою работу, как самое дорогое и необходимое, отказаться от «производственной тучки» берётся комсомолец Сергей Третьяков, названный старшим мастером пролёта вместо Авдеева.

Очень трудно приходится Третьякову. Нелегко завоевать авторитет, когда начальник и подчинённые — почти омонетки. Но Сергей постепенно находит общий язык с работницами, помогает им, учит, воспитывает в них чувство коллек-

тивизма. И у девчат поднимая дух, пробудилось горячее желание из остальных стать передовыми.

Борьба за новые методы труда, против косности и отсталости в работе и составляет, по существу, главный конфликт пьесы А. Симукова.

Показывая производственный и духовный рост молодых работниц, А. Симуков приходит к интересному повороту темы и сюжета пьесы, позволяющему ясно и глубоко представить себе качественный перелом в сознании героев. Работницы из девятого пролёта так овладели техникой, так повысили производительность труда, что пролёту, который зависит от общего плана завода, нужно теперь гораздо меньше рабочих. И

Фото А. Монцегова

Парторг Моро — артист Е. Весник.

Маша — артистка В. Красновская.

девушки решают освободить от работы ночную смену — всю целиком. Своим стахановским трудом они сократили самих себя! Эта ситуация, драматическая и даже трагическая для рабочих капиталистического Запада, в нашей, Советской стране оказывается пощённой: всю бригаду направляют на передовую линию строительства коммунизма — на великую сталинскую стройку.

В спектакле «Девочки-красавицы» большинство ролей исполняет молодёжь театра: В. Красновская, К. Шинкина, Н. Кошская, Л. Малютина, И. Прейс, Е. Штурт, Е. Весник. Молодые артисты с увлечением работали над образами молодых рабочих, старались глубже проникать до зрительских сердец, создать яркие, живые портреты своих современников.

Порывистой, решительной, убеждённой в правоте своих поступков предстаёт перед зрителем Маша Ракигина в исполнении В. Красновской. Драматург вынес в этот образ романтические черты. В. Красновская хорошо передаёт светлую задумчивость Машки, её мечтательность, стремление к высокому идеалу. Актриса нигде не сбивается на ложно-приподнятый тон. Маша-Красновская убедительна в самых разнообразных проявлениях своих чувств. Мы верим и сочувствуем ей и в превосходной сцене у парторга, где она, возбуждённая и взволнованная, горячо рассказывает Морозу о неполадках в пролёте, и в лирической сцене с Олей, которой Маша повергает сердечные тайны.

Артистка К. Шинкина сумела просто и естественно показать разительную перемену, происшедшую в Норе Звонной. Взяла, равнодушная ко всему Нора, свой предел мечтаний — золотые туфельки, преображается, почувствовала к себе дружеское внимание. «Взрослее мы теперь уже», — говорит она, когда видит, что относится к ней теперь не как к девочке, а как к сознательному, самостоятельному работнику, и это всё сил старается оправдать это доверие. То, что

СЛАВА ТРАКТОРИСТКИ

Осенью, когда грустно курьками в голубоватом небе застывает на то журавли, в деревню, на Жулявах, близ Гданьска, где жила Магдалена Фигур, прибыл трактор. Это был новенький, сверкающий лаком, пофранцузский, как молодой, австрийский ковш, «Урсус» — одна из машин польского тракторного завода. Его встречала семья деревни.

— Сбегаем посмотрим, — звала светловолосую Магду сверстницы. — Говорят, сегодня пахать на нём начнут!
— Хлопцы соберутся на трактористов учиться, — сообщила Магде одна из подруг.

— Скоро у нас тракторная станция будет, — говорила ей дружок.

Магдалена, погруженная в свои мысли, не отвечала им. Но когда подруги убеждали на поле, она поспешила вслед за ними.

Трактор уже вышел за околицу деревни и прокладывая первую борозду по заросшей бурьяном целине, когда Магдалена незаметно подошла к толпе одолевших. По свежесплаханной борозде мужички, старые и молодые, сняв шапки и размакивая ими, спешия вслед за трактором. Они то измеряли глубину борозды, то ошущивали руками податную землю, то прощупывая, прищуривая глаза, ровность пласта. Парни, девчата, подобно живым гроздьям, облепившие сиденье трактора, стесняясь до отказа бывшего из города человека в замасленном комбинезоне. Повернёт он слегка руль — и машина послушно пойдёт влево либо вправо; переключит скорость — и машина то сбавит, то увеличит скорость.

— Эта машина несёт нам в деревню весну, — сказал седой старик, когда трактор начал второй круг. — Пусть на дворе осень, а в сердце у нас весна!

Не разделяя всеобщего ликования лишь небольшая кучка ботаников. Стан у межи, они говорили апологетам, сидели смеясь.

Магдалена взорвалась на сиденье трактора. Восхитенные глаза её неотрывно следили за тем, как машина поднимала пахучую сырость целины.

— Магда, становись трактористкой! — сказал ей секретарь местной организации Союза польской молодежи. — Вот покатаешься, а?

— Нет, не девчачье это дело, — ответила Магдалена, но тотчас же почувствовала, что сказала не то, что думала.

Трактор сделал несколько кругов, затем развернулся, отпелся плуги и возвратился в деревню. А вечером случилась беда. Когда стало темно, трактор неожиданно загорелся. Люди, прибежавшие к горящей машине, пробовали забросить пламя песком, залить водой, но не тут было. Тракторист сильно обжег руки и лицо, спасая машину, однако она всё-таки сгорела.

Утром Магдалена снова пришла на место пожара. Неподходяще от магазина «Христианский взаимопомощи» покрывшись окалиной трактор стоял на покоробившихся, рыхлых катках, чуть пошатнувшись на левый бок. И никто не знал, как это всё могло случиться, — тихо сказала Магдалена стоявшему рядом секретарю организации Союза польской молодежи. — Почему это произошло?

— Это, Магда, классовая борьба, — ответила ей юноша. — Кулаки возненавидели трактора, а вернее всех нас, потому что они увидели, на какую высоту ставят эта машина бедняки и середняки. Это кулаки хотят трактор!

Магдале больше ничего не сказала и ушла домой. Но, strangely, слова секретаря не давали

ей покоя. «Это классовая борьба». «Кулаки сожгут трактор», — думала она. Впервые за все свои восемнадцать лет она поняла, что такое классовая борьба.

Повстречав вечером секретаря организации Союза польской молодежи, Магда сказала:

— Ты прав, это наверняка сделали кулаки.

Бригадир первой женской тракторной бригады Польской Народной Республики Магдалена Фигур.

Я видела, как они смеялись у межи, когда трактор поднимал целину.

— Что же делать?

— Магда не сразу ответила на этот вопрос.

— Я ещё не знаю, — произнесла она раздумчиво. — Может... Может быть, я пойду учиться на трактористку.

— Вот хорошо было бы, — сказал юноша, — четверо наших ребят уже записались на курсы и скоро поедут в Гданьск. Ты была бы пятой. Подумай, Магда. Это наш ответ кулакам! Через несколько дней Магда объявила своей матери, что она хочет учиться и скоро поедет в воеводский центр. Мать от неожиданности выпрыгнула из рук тарелку и застыла на месте.

— Нет, материнского согласия я тебе не дам! — сказала она.

Но девушка от своего не отступилась. Немало говорили они друг с другом. Однажды мать сказала примирительно:

— С согласия поговорить бы человек из грамфонки, плохого не пожелает Подумай, Магда, что про нас в деревне станут говорить.

— Я же член Союза польской молодежи, всё равно что комсомолец, — ответила Магдалена. — При чём здесь комсомол?

— Ничего в деревне не делается без комсомола, — настаивала мать. — Безопасно я, как бы не обернулся дело для тебя худ!

— Не обёрнется, — сказала Магдалена. — Мать посылает учиться народная власть, а не какой-нибудь кулак-благоседей, на которого ты работала всю жизнь.

И вот Магдалена уехала вместе с парнями на курсы трактористов. Изредка из Гданьска приходили письма, из которых в деревне узна-

вали её ве новости. Убедя приносила Магде много нового. «Тракторы», — писала она, — это, как указывает великий Сталин, снаряды, взрывающие старый мир. Теперь я понимаю, почему один из наших крестьян сказал, что трактор приносит весну. У нас, в народной Польше, будет великое множество тракторов».

На курсах Магда услышала про знаменитую советскую трактористку Пашу Ангелину. В письме матери она писала: «Бот и Паша первой в своей стране пошла учиться на тракториста, и ей тоже не советовали садиться на трактор. А теперь смотрите, она стала Паша: она депутат, Герой Труда. Ещё знают в её огромной стране и за границей. Вот и я хочу стать такой, мама!»

В апреле наконец Магда возвратилась домой. Молодых трактористов встречали всей деревней, по старой традиции — с хлебом-солью. Секретарь молодежной организации с торжеством сказал матери Магдалены Фигур:

— Первая трактористка страны — наша Магда. Смотрите, как она выглядит. Молодец!

Магда стояла перед матерью, перед друзьями, улыбаясь, в новеньком комбинезоне. На голове у неё был синий берет, из-под которого вывалились светлые локоны.

С первым же днём Магда, однако, убедилась, что нелёгким будет её труд. Как только она выехала в поле, по деревне поползли слухи:

«Женщина на тракторе — не быть урожаю!»

Кое-кто из крестьян попался на эту кулацкую уловку. Когда Магда приехала пахать надел бедняка Франтишка Кшипяка, в поле неожиданно прибежала в слезах жена его, Фелиция.

— Не дам пахать, девка! — кричала она. — Не дам! — и повалилась на ивану перед идущим трактором.

Магдалена остановила машину, поджала плывущую женщину и долго, терпеливо рассказывала Фелиции о тракторе, о новом, счастливом времени, о помощи народного государства беднякам и середнякам. Оказалось, что Фелиция подговорила кулаки.

Жизнь давала Магде и другие уроки. Накануне уборки однажды чай-то рука наспыла на мотор трактора неску. Если б Магдалена не заметила это, машина вышла бы из строя. «Это и есть классовая борьба», — думала Магда.

А в дни уборки хлебной ей снова пришлось столкнуться с врагами. В полночь Магда возвращалась в деревню в дальних ина. Когда трактор вышел на левую дорожку, Магда instinctивно включила третью скорость, и машина снова пошла вперёд.

На повороте дорожки в свете фар Магда увидела несколько сонных фигур. Люди что-то делали, но, попав в свет трактора, как тени, отпрянули в лес. В тот же миг Магда почувствовала страшный шип толчок, вскозела вверх и больше ничего не запомнила. Очнувшись она через несколько часов в киванье. У неё странно болело голову, лицо было в крови. Трактор заглох, отключив радиатором в габуювку, недалеко вырнуто на дороге умю.

«И всё-таки», — упрямо подумала Магда, — меня не заставит свернуть с этого пути!»

...В борьбе с врагами, в труде рождалась слава трактористки Магдалены Фигур. Её имя известно теперь в Польше. Она — первая секретарша первой трактористкой страны, она руководит тракторной бригадой. Демократическое правительство высоко оценило её новаторский труд: она награждена орденом «Знамя труда».

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта

ЮНЫЙ РЕКОРДСМЕН

Фото Ю. Шаламова

Такого был Анатолий в 1949 году, когда он впервые принял участие в школьных соревнованиях.

Аркадий Васильевич Макаров решительно не знал, что ответить. Перед ним стоял кобылезлазый мальчуган, на вид никак не старше десяти лет, а главное, очень худ и маленький, и сейчас просил принять его в конькобежную секцию.

— Ну что я с ним буду делать? — думал тренер. — Ведь во всей конькобежной секции, насчитывающей более шестидесяти человек, не найдёшь такого малыша!

— Неужели тебе четырнадцать лет? — удивлённо спросил Аркадий Васильевич.

— Честное слово, четырнадцать. Ведь я только каляку таким маленьким, а знаете, какой я крепкий!

Это было сказано с такой страстной убежденностью, что кругом все рассмеялось.

— Как тебя зовут? — спросил Аркадий Васильевич, когда смех стал утихать.

— Титов Анатолий, — уже смелее ответил мальчуган.

— Ну, являю, Титов Анатолий. Оставайся, если уж ты такой крепкий. Но заниматься начнёшь только после медицинского осмотра. Разрешит врач — будешь бегать на коньках; нет — не взыщи.

Врач разрешил Толе заниматься спортом, и он стал одним из самых аккуратных членов конькобежной секции ленинградского общества «Трудовые резервы».

Толе всё нравилось в макаровской школе, хотя и не всё сразу удавалось. Особенно любил смотреть он, как будущие конькобежцы занимались имитацией бега на коньках. Долго у Титова не получалось эти главные и гармоничные движения. Его ещё слабые ноги не выдерживали длительного напряжения в низкой стойке конькобежца. То одно, то другое колено вступало само собой, предательски подгибалось, и мальчик вылился набор. Тренер старался облегчить упражнения для новичка. Он разбивал сложное упражнение на составные элементы.

Толе сначала отводил свободную ногу вперед, потом в сторону и, наконец, назад. Как только мальчик начинал уставать, успевавший следить за всеми Аркадий Васильевич останавливал его.

— Отдохни минутку, — говорил он.

Со временем нагрузка увеличивалась, и настойчивому мальчику всё с большей лёгкостью удавалось выполнять задания тренера. Но Аркадий Васильевич разучивал с учениками не только специальные конькобежные упражнения; за короткое время Толь научился врать в баскетбол, волейбол, теннис, стал мастерски кататься на велосипеде, грести, ходить на лыжах, хорошо бегать, прыгать, метать диск, молот, толкать ядро. Толе хотелось научиться делать всё это так же хорошо и свободно, как Аркадий Васильевич. И он слезал за каждым движением тренера, стараясь в точности копировать.

Разносторонняя и многообразная физическая нагрузка удивительно быстро изменила внешний облик мальчика. Незаметно для себя, но не для тренера недавно ещё хрупкий и тоноконный Анатолий

Титов стал настоящим крепким. Правда, он был всё так же мал, что ни на одном велосипеде, кроме «юношеского», не мог ездить, но и на этом велосипеде Титов выполнял норму третьего разряда!

Толя так и не заметил, как же в конце концов произошло, что он стал справляться с большими нагрузками. На следующую зиму он уже мог кататься по сорок кругов со взрослых конькобежцами, выдерживая их темп. И если раньше он пробегал 500 метров не быстрее пятидесяти восьми секунд, то уже в эту зиму он сразу сбросил с личного рекорда сначала пять, а потом ещё четыре секунды.

На Всесоюзном первенстве общества «Трудовые резервы» Анатолий Титов занял четвёртое место по сумме четырёх дистанций малого многоборья.

Впереди его были только товарищи по секции — два брата Павловы и Носков.

Лето 1951 года стало для Толи самым радостным. Наконец-то и его в числе самых лучших учеников Макаров взял в велосипедную экскурсию по горам Кавказа! Такие экскурсии Макаров устраивал ежегодно. Ученики к этому времени брали отпуск, и все они, доехав до Сочи на поезде, собирали велосипеды и с рюкзаками на спине отправлялись в горы к Домбою, на озеро Ринд или в какой-нибудь другой живописный уголок Кавказа.

К этому времени Титов уже окончил ремесленное училище, работал на заводе механиком. Вернулся он ещё более окрепшим, загорелым и переночеванным впечатлениями. Дома он без конца рассказывал о том, как они поднимались от Сухуми ко вновь открытым тёплым источникам и потом по асфальтированной дороге анжиром мчались к озеру Ринд.

Зимой того же года Титов стал конькобежцем первого разряда, а в 1952 году — рекордсменом страны среди юношей.

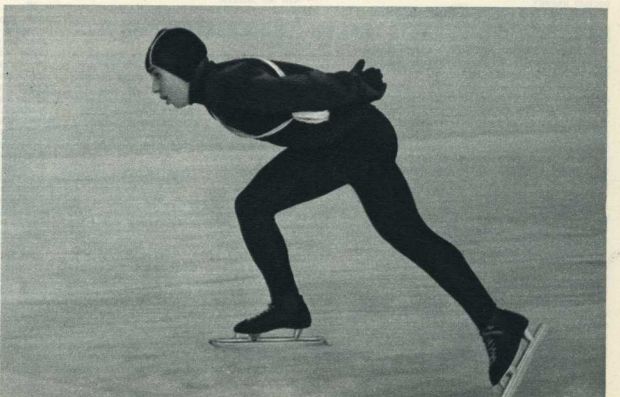
...Бесед с первенством СССР по конькам для мужчин и женщин, которое проводилось на высокогорном катке близ Алма-Аты, состоялся составлении для молодежи.

Внимательно следил за выступлением молодых опытные мастера ледяной дорожки.

Когда старт принимал немосквитин, по плотный Толя Титов, восторгом зрителей не было конца. Низкая посадка, мягкие, мощные движения, наконец, изумительные результаты конькобежца вызвали всеобщее восхищение. В беге на 5 тысяч метров Анатолий установил юношеский рекорд: он пробежал дистанцию за восемь минут двадцать секунд, несмотря на то, что погода была неблагоприятная. На такой результат и в хороших условиях могут рассчитывать даже не все мастера спорта.

Макарова подражали наперебей. Ещё бы! Толку удалось перейти в разряд взрослых его ученики братья Анатолий и Павел Павловы, как на смену им появились новый юноша-рекордсмен, выросший в том же колледже.

1952 год. Анатолий Титов на дистанции.

РОЛЛЕР-ДЕРБИ — ЗУБОДРОБИТЕЛЬНОЕ СОСТЯЗАНИЕ

А Анатолий, словно дорвавшись до хорошего льда и только почувствовав настоящую зиму, в каждом забеге был рекорд за рекордом.

Принял он старт на тысячу метров, и только что установленный горьковчанином Максимовым рекорд был улучшен на целые три секунды!

Совершенно исключительного успеха молодой конкобежец добился в забеге на три тысячи метров.

Незадолго до того два Ленинграда — Красильников и Верзин — один за другим устанавливали всевозможные рекорды на эту дистанцию, пробегая три километра значительно быстрее пяти минут. Но Анатолий Титов начал улучшать их время с первого же круга.

Пружинисто отталкиваясь своими сильными ногами, юноша легко скользил, казалось, едва касаясь сверкающей поверхности льда.

Первый отрезок пути в двести метров он пробегал за двадцать одну и четыре десятых секунды, потом круг — за тридцать шесть и одну десятую секунды, следующий — тридцать восемь секунд, потом — тридцать семь...

В таком бурном темпе обычно бежит дистанцию в 1 500 метров. Титов же бежал вдвое больше.

— Замечательно бежит Толкич — сказал абсолютный чемпион страны 1951 года Анатолий Павлов — бежит так же, как и Титов с первой встречи, когда тот пришел в их коллектив.

В секции Макарова старшие и младшие всегда жили единой и дружной семьей.

Прозрительно быстро вырос парень, — продолжал Павлов, — какой мощный толчок и как правильно и во время переносит он корпус на скользкую ногу! Ни одного лишнего движения!

А Титов всё с тем же азартом бежал круг за кругом, словно не чувствуя усталости.

— Братцы! Да этот юнец бьет всевозможный мужской рекорд! — воскликнул заслуженный мастер спорта Игорь Ипполитов.

Слова Титов набег круги: 37, 38, 37,8, 36,7, и, наконец, последний — 39 секунд.

Ещё не успел диктор объявить результаты, как в узком ущелье, где расположено каток, раздался чей-то громкий голос:

— Четыре сорок шесть и семь! Всеюзовский рекорд Браво, Титов! Браво, Макаров!

Однако этот рекорд продолжался недолго.

Его побил, установив новый рекорд, заслуженный мастер спорта Павел Беляев.

Но четыре юношеских рекорда в беге на 1 000, 3 000, 5 000 метров и по сумме милого многоборья — 191, 183 (на три очка лучше старшего рекорда) остались за Титовым.

На командном первенстве СССР Анатолий вошёл в десятку лучших скоростюков страны, опередив в беге на 10 000 метров таких прославленных мастеров, как Прошин и Головачко.

Летом 1952 года Титов впервые выступал в велосипедных гонках на трассе за лидером.

Среди сильнейших гонщиков страны он занял почётное для новичка первое место.

Сейчас молодой рабочий мастер спорта Анатолий Титов готовится к выступлению в комсомол.

«Роллер-дерби — зубодробительное состязание, в котором бегут на роликах каждый вечер покрываются расстояния в 30 миль».

Так характеризует рванцовый американский журнал «Лайф» этот весьма популярный сейчас в США вид «спорта».

Китч понемногу выходит из моды. Публике уже начинают приедаться зверообразные мученичьи, старательно ломающие друг друга ради жалких грошей. Бизнесмены от спорта ищут зрелища, шеночные нервы не менее, чем патологические фильмы, сертифицированные радиопрограммы и «новинки», с каждой страницей которых падают ирвы.

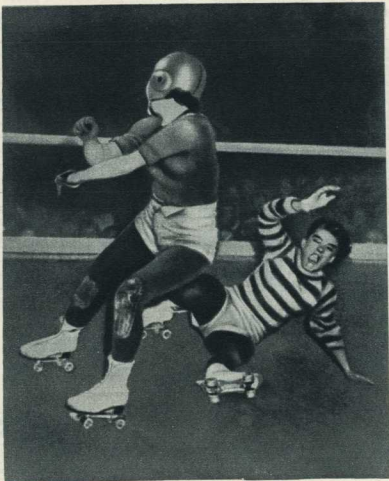
И вот в китч вовлекают женщин. Они так же старательно, как и мужчины, ломают друг друга руки, ноги, выдирают волосы;

первое время визг и истошные крики «борцов» волновали, возбуждали омерзавших девочек. Но и эта драма, устраиваемая для разнообразия в недрях, в лучах гимной рыбы и т. д., тоже надоела.

На смену китчу пришла роллер-дерби.

Захлебываясь от восхищения перед этим чудовищным зрелищем и быстро принимая тон злободневного комментатора там, где нужно прятать восторг, журнал «Лайф» усердно рекламирует роллер-дерби.

«Дерби на роликах» — восклицает журнал, — это зубодробительное состязание, насыщенное неопределёнными падениями и ступором, способным доставить полное удовлетворение даже самому искусному, измучившему кривой болезлящикою хонейных составных».

А что доставит такому большущему «удовлетворению» немного, читаемые «Смелые» уже известно из недавно опубликованной в журнале статьи об американской хонее.

Цель «состязаний» в роллер-дерби — прийти первыми и финишу. Ударясь с пути соперников любыми способами.

В «состязаниях» участвуют две команды (каждая включает мужскую и женскую группы), при чём победившая команда получает 60% а победившая 40%, суммы приза, который сам по себе составляет... 22,4 доллара. Оставшие 77,5% идёт себе в карман организатор этих «состязаний».

Иногда, сам этот организатор ранее занимался устройством соревнований «танцы на истощение» (унофер), недавно роллер-дерби оказался доходней.

По сообщению печати, «...Многие любители спорта восхищены этим захватывающим зрелищем. Можно себе представить, и чему привели эти «любители спорта», если учесть, что за первые пять представлений трое из участников соревнований были срочно отправлены в больницу».

«Лайф», сваянув, описывает обстановку «соревнований» между мужскими и женскими командами, пощёрившей, что девушкам «прощаются» даже такие приёмы, как удар ногой в лицо соперника. Тасание друг друга за волосы — неизменный элемент женских пятинадцатиминутных гонок — неизменно вызывает шумное восхищение у зрителей».

Мурочка отмечает, что в этих «состязаниях» допускаются «любые формы нападения, ослепляющие переливы надр противником». Многозначительное признание!

Фотокорреспондент «Лайфа» выбрал наиболее эффектные с его точки зрения моменты, которые запечатлел его объектив. Фото-снимки сопровождаются краткими подписками.

Вот Вивиян Джонсон удачно сблокировала соперницу, и та летит через барьер на зрителя. «Для большинства зрителей, — бесстрастно комментирует журнал, — такой полёт кончается переломом ноги или ребра».

А вот (фото № 1) «от испуга и боли переносилось лицо Марри Стэнди на ноги, она «произошла оземь». Собираясь её ударом кулаком по лицу, гонимая соперницей, убедилась, что «приём» удался.

На следующем снимке (фото № 2) мы видим момент, который ударяется о пол при скорости 30 миль в час. «Несмотря на защитные накладки, — продолжает журнал свои комментарии, — бегуны получают травмы лица, от чего тренинг о пол при падении на больших скоростях».

Таком роллер-дерби — ещё один «вид спорта», усиленно культивируемый в современной Америке.

А. КУЛЕШОВ, М. КОРНЕВ

«СМЯД» В 1952 ГО

РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ

Действительно обогнал мечту	1
Девочки нашей страны	4
Праздник весны	9
Весна готова	13
Будущее — это образ	13
Есть такая партия!	13
Былкинское — город новой пятилетки	23

РАССКАЗЫ, ОТРЫВКИ

Али С. — Архык	22
Аладу Ж. — Каменная стена	22
Бадмаев Г. — Первая повесть	14
Ваденич В. — Перед осадой	14
Гашев Я. — История жизни Герасимова И. — Голубые зарницы	13
Джума Ги. — Пламя мщения	8
Элобин С. — Два великана	21
Кадыр-заде С. — Парень с Журынского озера	2
Нагд Л. — Ловушка	18
Ноночалов Ю. — Концы клепающей рыбы	14
Ноноплин И. — Горь, зорыал!	14
Ноноплин И. — Чудные водоросли	16
Кротова О. — Неудачные рассказы	16
Кубца Ф. — Конфиденциальное совещание	23
Кунаманов М. — Огни на полях	12
Ленц Ю. — Человек в трюме	12
Ленц Ю. — Выборок о кандидатах, о демократии и прочем...	15
Маданов Г. — Гвардийцы	16
Марков Г. — У нас пландарие	11
Моисеев А. — Вороба продажничает	11
Муроматов И. — Смерть в пустыне	21
Мурадин Н. — Одинокой дорогой	21
Наганин Дм. — Маленький Пан	8
Нересонин П. — В начале весны	8
Плюдов Ю. — Одна девушка, пять парней и шесть трактористов	4
Погодаев И. — Феликс Дворянин	19
Полоев Б. — Зайчик. Золотая звезда	19
Приншин М. — Поздняя осень	23
Рахмонов В. — Рассказы Инола Бабица	24
Рекунов В. — За рекой дальней	24
Резун А. — Визит	21
Рыбак И. — Миссия генерала	22
Колдана	22
Сакса А. — Искры в ночи	22
Северкин С. — Родная семья	7
Сетья Я. — Звезда	7
Смолин В. — Встречи с друзьями	15
Соболев В. — Утро	10
Соколянская Л. — Встреча	9
Спасский Д. — Начальник депо	20
Тараканов А. — Девушка	20
Темин А. — Шпиргалка	11
Терехов В. — Визит	12
Ураев Валентин — Тушманым утром	11
Федорова Л. — Первая встреча	12
Федорова Л. — Ветер в лицо	4
Федотов Г. — Вояжисты	17
Федотов Г. — Сочинения	17
Хинмет Н. — Золотой идол	22
Чакин В. — Песня о трех звездах	19
Чакин М. — Кингитона	13
Чичков П. — Наполеон	13
Шаров Е. — Эпизод	15
Шенкин П. — Гвардейское знамя	9

СТАТЬИ, ОТРЫВКИ, РЕЦЕНЗИИ

Аидин Г. — Сабдо	8
Александров В. — Геренцов Л. — «Славься, народ!»	2
Алексеев Л. — Дом в Поронине	12
Аплатов А. — Наши олимпиады	12
Баландов Г. — Радовая армия	24
Балабанова Н. — Военной специальности	9
Батураев И. — Первая беседа	9
Бельчиков Н. — Тоголь и Великая	9
Бирюков Н. — Землечерпанка «Пятлетка»	3
Борисов А. — Радовые и сержанты	13
Друзья	13

Буринов Б. — По ленинскому пути	2
Родная партия	18
Валовенич А. — Ураденная юность	18
Жизнь и борьба	16
Варфоломеев А. — Волоський элемент	21
Ветюшина Н. — Жизнь во мгле	14
Викторов В. — Наследники	14
Владимиров В. — Творцы нечеловеческого	2
Владимиров К. — Молодое поколение	16
Владимирова С. — Сергей Мерген	8
Воченович Г. — Наши планы	1
Волгин Ю. — Спектакль об отцах	9
Возвратности	1
Вудуе театра	20
Гайдаровский Г. — Минер с каторги «Сибирь»	14
Галицкий А. — Лучший гребец мира	18
Головухин А. — Молодежь Всесоюзного Канского	18
Голубев Г. — Мы идём к коммунизму	19
Горюнов Г. — Поэма о мире	14
Григорьев А. — Повздки героев	14
Григорьев С. — Стихи о самом	13
Гусенин М. — Рост	8
Давыденко В. — Первый успех	6
Школа мастера	11
Юноша из Зестафона	8
Давыденко В. — В родном городе	8
Ильич	24
Иванов Ал. — За цветным барьером	21
Иттинов В. — Леонардо да Винчи	12
Карл Павлович	12
Дорно И. — Послыца на фронт	3
Евдоким А. — Победители	21
Егоров А. — Чем дорог нам Гоголь	5
Жданов В. — Александр Николаевич Радичев	18
Завалин И. — Маленькие рассказы о большом	6
Заргорий В. — Волшебный театр	7
Занина Л. — На отпусках знала	6
Иванов И. — Последний рейс	24
Игнатьев М. — Судьба народа	3
Спешиться о рабочей молодежи	24
Ильинский В. — Наука и жизнь	3
Имунова А. — Надежда Фой Холу	10
Икалун Ю. — Американская «культура»	10
У них нет юности	20
Исарев А. — Молодежь Италии борется	3
Иттинов А. — Театральная молодежь Новосибирска	1
Ишмухамбетов М. — Миссионерские выходы	7
Биза Динаевич	22
Оригинальный племя	15
Иколов А. — Преображенная земля	22
Иордан М. — Американский футбол	22
Иорданов Г. — Во славу Родины	13
Иордановский Д. — Паруса в море	19
Иорданов С. — Отважные	22
Иосифов В. — Славный юбилей	13
Иотов Вал. — О стихах волжских и бесстранных	13
Кравченко П. — Конфликт	15
Красильников В. — Если ты любишь труд	16
Утро в Янгудуль	15
Секрет свободы	21
Крипьяновский Ю. — Ученый О. В. Лепешинский	6
Крипьяновский В. — Диссертация	6
Литтл Кэмпбелл	6
Крутинин С. — Путь, завещанный вождём	19
Крутинин П. — Партия ведёт	19
Куликов С. — Искусные мастера	9
Весна в Подмосковье	3
Люди с большим будущим	18
Новые люди	3
Кудряков С. — Всегда с молодежью. Первая коммунистическая. Веседа у мар-	11

теносных пещер. Вала рассказывала	24
Лавров В. — Дочь	17
Лелешина Ю. — В добрый час	17
Лобарев Гр. — Нарожные Вл.	3
Первые юности	13
Их стройны	2
Ломанов Т. — Как я стал чемпионом	13
Ломанов Т. — Родение танца	14
У Назыма Хинмета	2
Горячие сердца	16
Мамонтов И. — Слова трактористов	24
Маленков А. — Тропика смелых	1
С. — Восточность и воля	1
Машинский Г. — В инженерной	1
Тимонин высших наук	1
Михайлов М. — Студенческий стипендиат	14
Дня Хиншинова	18
Морозов А. — Высочине спорте	12
Морозов В. — Железный Феликс	19
Мурадин Н. — Нинеер Николай Семёнов	19
Мусуменов М. — Крылатая молодежь	10
Недоростки	10
Нерузалучные	19
Учительница	17
Николаев Ю. — Специальные ребята	10
Николаев П. — Во имя великой правды	13
Николаев Г. — Повесть об Улуге	8
Николаев Т. — На заводе	2
Ильич	2
Школа циркового искусства	4
Обухова Л. — Новое Челюскин	22
Огнев В. — Солдаты свободы	23
Ордина А. — Школа Лавина	1
Стрелочка Цимлянская	12
Раскинулось море широко...	13
В Сальских степях	13
Делегат съезда	23
Обнаженность	8
Ордина А. — Везулу Гамзатов	23
Османов Г. — Ловля рыбы	21
Осипов Н. — Романтизм В. Великого	1
Судейский эпизод	3
Новые юности	3
Пайса С. — Молодые люди	15
Парфенов А. — Рекомендации в партию	15
Скульптор Ири Каравазова	10
Полторацкий В. — Дерзает, думает, хочет, смеётся...	10
Присс А. — Турбина мира	1
Пашинкин В. — Олимпийская чемпионка	18
Сам Родины	20
Правдин В. — Художник Советской Армии	9
Порочинский А. — Сталтинская наука	11
Прушин В. — На лыжах	3
Болы и победы	7
По реке идёт скульптор	14
Питерский И. — Шеф флота	16
Плюшкин П. — Лыжники	16
Пончевский А. — Юность юности	14
Равбаба	14
Равбаба Л. — Праздник юности в Варшаве	17
Равбаба Л. — Успенский Г. — Молодые морини	17
Розенталь Г. — Солистка балета	13
Романенко Д. — Рассказы о Сергее	9
Романов В. — Я добыль своего...	12
Романов В. — Новая Каховка	18
Право на счастье	23
Сарабянов Д. — Иван Николаевич Кудряков	18
Смотр молодых сил	6
Сатанов П. — Ум, честь и совесть	21
Селья Я. — На великой реке	11
Ордынский Г. — Трасса олимпийца	2
Семинев Д. — Лица Губарев	11
Соловьев И. — Лето богат жарким...	12
Сорокин В. — Каменкова О. — Знакомство	9
Софронов Л. — Бесполовые сердца	11
Шест мир	18
Сталкер И. — Старшая телефонистка	11
Молодой советский рабочий	12

Сухорунов Я. — Невидимка	4
Бесполовые натура	10
Ясная чья	20
Тамплин П. — Когда смея убивать	15
Тендаров В. — Дружба народов	21
Тертычный В. — Адмирал Нахимов	14
Тонкаев К. — Дважды герой	3
Иван Туркиев	3
Томалов В. — Девушка в снегу	10
Травин К. — Чемпионы Европы	13
Трубилин В. — Труба Дюк	10
Дело Юричных	23
Турнов А. — Рассказы Сергея Нишнина	24
Уравова Л. — Высочине знание	4
Зимний вечерок	6
Укладов Е. — Дриболов, освобождённый от наказания	6
Фаст Гр. — Это была их забастовка	6
Федорова Л. — Северокоричневый	6
Рял Горчакова и её помощники	4
Артиста воят	11
В изданных руни	15
Воплощённая	15
Пути зрелости	16
Пообратили	23
Артиста воят	11
Фролов В. — Отличный старт	4
Файзуллин И. — Музыкант	14
Синим	12
Хинмет Н. — Есть такая страна!	19
Чичков П. — Человек становится взрослым	16
Чернышев Н. — Товарищ Эпи-де	4
Чудина А. — Чемпионы мира	19
Чепурин Ю. — Молодость Сталина	9
Шавед П. — В добрый путь, друзья!	11
Шабунин В. — В Маринине	10
Яновлев В. — Василий Дмитриевич	7
Яровой Мих. — Дворец солнечной радости	3
Яшин А. — Стихак Евгения	3
Винокурова	3

СТИХИ ПОЭТОВ:

Адреса (2), Адонина А. (6), Агашина М. (15, 16), Алатырцев В. (18), Арагола Г. (23), Асадов С. (2), Атаев В. (1), Багдадолова И. (4), Баунова И. (7), Великина Ф. (18), Берестова З. (3), Вальковский В. (4), Воронинский В. (17), Гамзатов Р. (21), Георгиевский В. (4), Герасимов Г. (19), Грайн А. (9), Губина В. (21), Гуркина В. (21), Давтяна Б. (10), Дактера А. (24), Долматовского Е. (13, 15), Достала (2), Егущинено Е. (8, 13, 18), Журавлева В. (19, 23), Забайка Ю. (1), Иванов Г. (8, 16), Исия Ясую (15), Икалунтин С. (2), Иерма М. (24), Иосифова И. (12, 7, 23), Кавальери К. (2, 10), Ковалева Дм. (17), Ковусова А. (12, 18), Козловский М. (11), Кокоркина Н. (17), Коченова И. (17), Кришновская Л. (24), Кубы (23), Мухомов И. (19), Мухомов А. (4), Ласурова А. (9, 20), Магомедов М. (17), Маргиналин Р. (24), Марианов И. (10), Марусинский В. (2), Менделеева А. (19), Мельникова Ю. (4, 6), Мизина Н. (12, 16), Морозова В. (20), Музалова С. (17), Островская О. (2), Небымова М. (19), Образова Л. (6, 18), Ованесян С. (10), Островский В. (19), Островский Г. (18), Пан Тен Сик (15), Перевалов М. (12, 19), Пучковская В. (18), Раухфус Г. (21), Родменственов Р. (4), Рядченко И. (19), Свешников М. (19), Семенов В. (19), Смирнова Д. (7, 8, 17), Соболя М. (19), Соколова Вл. (9, 15), Соколова Л. (3, 17), Сорокина Н. (19), Старшина Ю. (10), Стожаров Г. (19), Сулейманов А. (24), Сулейманов Т. (24), Тагирова Г. (1), Талышова В. (9), Успенский М. (24), Фатиев А. (15), Фельдман И. (14), Черемухина Л. (13), Шмуула Ю. (8), Яновлева Г. (2), Ян Шичен (15), Яшина А. (13).
--

ПЕСНИ КОМПОЗИТОРОВ:

Баландов Л., Волкова В., Монроусова В., Мурданов В., Новикова А., Островский А., Тулинкова С., Фрадинна М., Хачатуряна К.	11
---	----

Цена
номера
2 руб.

